

АРТЕМ ШУМИЛИН
СЕРЖ ВИНТЕРКЕЙ

РЕВИЗОР:
ВОЗВРАЩЕНИЕ В СССР: 3

**Серж Винтеркей
Артем Шумилин**

**Ревизор: возвращение
в СССР 3**

Серия «Ревизор», книга 3

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69417070*

Аннотация

Продолжение приключений московского аудитора, попавшего из нашего времени в 1971 год. Освоившись как Павел Ивлев, школьник, он развивает бурную деятельность. Нужно помочь семье и друзьям, задуматься о своей карьере в СССР, подготовиться к службе в армии. Найти злодея, убившего его собаку, и, конечно – попытаться найти суперприз – спрятанные где-то вороватым завбазой двести тысяч советских рублей.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	36
Глава 4	55
Глава 5	70
Глава 6	86
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Артем Шумилин, Серж Винтеркей Ревизор: возвращение в СССР 3

Глава 1

25.02.71 г. Дома у Домрацких-Ивлевых.

Славка и Мишка, как мы и договаривались, зашли ко мне в девять часов вечера. Мы прошлись втроем по нашей улице, прикидывая, где устроить засаду.

Мой дом не годился, он от улицы слишком далеко, в глубине участка, обзора никакого.

Славкин дом далековато расположен, убивец в той стороне ни разу не появлялся.

Самым подходящим оказался дом Эммы. Там второй этаж есть, пусть холодный, но обзор великолепный. И перекрёсток с улицей Ленина видно, и вся Школьная до перекрёстка с Госпитальной как на ладони, и направо наша улица хорошо просматривается.

Если одеться потеплее, как на зимнюю рыбалку, то очень даже нормально будет, ветра нет, и в помещении, по-любо-

му, теплее, чем на улице.

Вторая возможная позиция – дом Полянских – тоже оказалась хороша. Дом у них на пригорке, там и в обычное окно первого этажа будет неплохо видно чужие дворы, не надо и на чердак лезть.

Зашли домой, я быстро нарисовал план всего маршрута, и мы принялись по памяти записывать, где имеются мелкие и средние по размеру собаки, не на цепи. Закончив, убедились, что все верно рассчитали – выбранные нами для засады позиции позволят за большинством из дворов, где были такие собаки, наблюдать. А вторую засаду устроим дома у Тимура.

Осталась самая малость: договориться с бабушкой Эммы, чтобы разрешила нам у них переночевать. С Тимуром явно попроще будет все согласовать. Братья все же.

– И кто пойдёт к Эмме проситься на ночлег? – с усмешкой спросил Мишка.

– Я пойду. – тут же вызвался Славка.

– Давай уж, все вместе пойдём. – предложил я.

Мы прошли к дому и постучали в освещённое окно. Мелькнул силуэт Эммы и вскоре она показалась на пороге дома. Увидев нашу внушительную делегацию, она растерянно принялась переводить взгляд с одного на другого.

– Что случилось? – испуганно спросила девчонка.

– Привет. Всё нормально, – поспешил успокоить её я. – Вы ещё не спите?

– Малых уложили уже.

– Нам бы с бабушкой твоей поговорить.

– Проходите, – послушно пропустила нас в сени Эмма, а сама прошла в дом.

Мы в сенях оставили куртки и обувь. Постучали и вошли толпой в дом.

Эмма уже предупредила бабушку, и та ждала нас у двери.

– Что случилось? – строго спросила она нас.

– У нас просьба есть... – начал я. – Необычная. Можно у вас переночевать?

– Что? – не поверила своим ушам бабушка.

Представляю, что она могла подумать, услышав такое от трех парней. Самому смешно стало.

– У вас дом очень удобно расположен для засады. – поспешил объяснить я. – Со второго этажа и наша улица вся видна и Школьная.

Сказав это, я понял, что ситуацию не улучшил и совсем не прояснил. Судя по выражению лица, бабушка Эммы совсем растерялась.

– Для какой засады? – с подозрением глядя на нас спросила она.

– Кто-то убивает дворовых собак. Вы слышали, наверное?

– Нет. Я только приехала, – бабушка скрестила руки на груди.

– Ну, неважно. Короче, было уже пять случаев на улице Ленина, на Госпитальной, на Школьной и у нас на Огарёва. Мы милиции помогаем живодёра найти. В самом тесном со-

трудничестве!

– Так, так... – проговорила бабушка. – А сама милиция что же?

– Ну, у них нет возможности такими мелочами заниматься.

– А у вас, стало быть, есть.

– Есть, конечно, мы же школьники. Кроме того, одна из убитых собак моя. Тут дело принципа, понимаете? Ну, не должно такое с рук сходиться.

– Согласна, не должно... И что, вы собираетесь всю ночь в засаде сидеть?

– Нет. Мы выяснили, что собаки погибали после пяти утра. В пять их ещё видели или слышали живыми. А к восьми утра они уже окоченевшие висели.

– Как висели? – с ужасом в голосе спросила Эмма.

– За голову между штакетинами забора, – ответил Славка.

По его мрачному виду стало понятно, что он вспомнил, как нашёл Умку.

– Кошмар какой у вас тут творится, – с отвращением сказала бабушка. – Надо, конечно, поймать этого ирода. Только зачем вам всю ночь сидеть? Приходите к пяти утра.

– Не хотели вас среди ночи будить... – пробормотал я, переглянувшись со Славкой и Мишкой.

Мы и не планировали всю ночь сидеть. С половины пятого и будем караулить.

– Можно подумать, вы просидите там всю ночь безвылаз-

но! – возразила мне бабушка. – Всё равно шастать будете туда-сюда...

– Зачем? – не понял Славка.

– Да, хотя бы, пописать, – зыркнула на него бабушка.

– У вас же отдельный вход на второй этаж, из сеней... – ответил ей Славка.

– Мы тихонько, – поддакнул ему я.

– Ладно. Смотрите сами, – наконец, согласилась бабушка. – Я дверь с улицы в сени закрывать сегодня не буду. Хотите, к пяти приходите. Хотите всю ночь там сидите.

– А если он сегодня не появится? – высказал сомнения Мишка.

– Да, если не появится? – посмотрел на меня Славка.

– Значит, будем сидеть в засаде, пока не появится, – ответил я. – Мы с тобой здесь, а Мишка с Тимуром у себя.

– Вы, кстати, с Тимуром договорились, собирались же вроде? Я просил его к нам привести. Он не смог прийти?

– Блин, точно, – сказали Славка с Мишкой почти одновременно. – Это мы виноваты, не успели еще к нему зайти.

– Надо тогда сейчас к нему бежать, договариваться, – сказал я. – Надо максимально весь маршрут засадой перекрыть.

– Какой маршрут? – тут же заинтересовалась бабушка.

– Да мы установили, что маньяк этот собак по маршруту определенному убивает.

– Что за маньяк? – посмешила уточнить бабуля.

И точно – сейчас же народ непуганный. Маньяки есть, но

их очень мало – никто же их в фильмах и книгах в СССР не рекламируют. Большинство, понимая, что желание убивать людей или детей ненормально, само идет сдаваться в милицию и психушку просится на лечение.

– Так называют тех, кто рвется убивать. Обычно людей, но в нашем случае собак, – пояснил я.

Все посмотрели на меня с уважением за такую грамотность. Даже бабушка.

– Все, идем к Тимуру договариваться, – подхватился Славка. – А то мы убийцу тут втроём будет караулить, а он на Госпитальной собаку убьет. Или мы там, а он тут.

– Значит, мы можем у вас сегодня подежурить на втором этаже? – подвёл я итог наших переговоров с Эмминой бабушкой.

– Можете, – она уже смотрела на нас с нескрываемым любопытством.

– Спасибо! – поблагодарил я её.

– Не за что пока, – ответила она снисходительно. – Вот, поймаете злодея...

– Всё. Уходим! – начал выталкивать я Славку с Мишкой. – Нам ещё к Тимуру надо успеть. И просьба огромная, пока не поймаем убийцу, никому не слова о наших засадах. Иначе он может узнать, у нас же тут не город, а, по сути, большая деревня.

– Понимаю! – кивнула бабушка.

Славка попрощался с бабушкой, потом с Эммой, потом

ещё раз кивнул бабушке. Он бы по второму разу с Эммой прощаться начал, если бы мы с Мишкой не вытолкали его из хаты.

Выйдя на улицу сразу пошли к Тимуру Полянскому, благо недалеко. У них ещё горел свет. Мы втроём вошли во двор и постучали в окно. Выглянула Диана.

Через несколько секунд открылась дверь и она спросила вместо приветствия:

– Что вас принесло на ночь глядя?

– Нам бы Тимура, он дома? – вышел вперёд Славка.

– Щас...

Сказать, что Тимур удивился, увидев нас, ничего не сказать.

А когда мы ему сказали, что сегодня он дежурит с Мишкой в засаде, глаза у него чуть не выпрыгнули из орбит.

А когда мы ему в три глотки объяснили, что он будет сидеть в засаде на живодёра, он молча развернулся и ушёл в дом.

– И как это понимать? – спросил обескураженный Мишка.

– Я думал, он обрадуется. Такое приключение... – пробормотал Славка.

А я не успел ничего сказать потому, что за дверью послышался какой-то шум. Потом дверь приоткрылась и раздался голос Тимура:

– Чего ждете, особого приглашения?!

Полянский в своем репертуаре, похоже. Отошел немного

после последних разбирательств и снова потянуло на позерство.

– А Диана с нами будет дежурить? – спросил Мишка, заходя в дом.

– Диана будет спать, – отрезал Полянский.

– Хоть бы сказал, что согласен... – упрекнул я брата, зайдя в дом и поздоровавшись.

– Само собой, согласен! – воскликнул Тимур, с улыбкой оглядывая нас. – Я за всегда!..

– За любой кипеш, кроме голодовки, – подсказал я.

– Разумеется, – подтвердил Тимур.

– Итак, давайте сверим часы, – сказал я.

– У меня нет часов, – ответил Славка.

– Это выражение такое! – пояснил я, подавляя в себе неожиданно родившееся желание залепить Славке подзатыльник. – Означает, согласуем действия.

– Понял, – огрызнулся Славка, почувствовав моё раздражение.

– Мы отслеживаем, – продолжил я, не обращая на это внимания, – не то психа, не то садиста. В любом случае, человек он ненормальный. Наша задача, выяснить, кто это. И всё! Не кидаться на него с криком «Попался!». Незаметно выследить и всё.

– А если он собаку душить начнёт? – недоверчиво спросил Мишка, – мы же не будем выбегать и следить за каждым, кто мимо проходит, верно? Значит, нам нужен тот, кто на собаку

набросится.

– Собаку жалко, – озадаченно ответил я. – Надо как-то спугнуть грамотно, чтобы потом всё-таки проследить за ним, узнать где живёт.

– И как спугнуть? – спросил Тимур.

– Ну, помните Аркадий рассказывал, как он пьяным прикинулся? – предложил я. – Руками там что-то пьяное изобразил и из лагеря немцев живым ушёл? Вот так же выходим, пьяными прикидываемся, типа бухали всю ночь напролет, по домам идём...

– Не получится, – возразил Славка. – Мы его спугнём, он подождёт, пока, мы уйдём и дальше за своё.

– Значит, не надо сразу уходить, – решил я. – Приставать будем к нему с пьяными разговорами.

– Какими например? – спросил Тимур.

– Пофиг! Как пройти в библиотеку? – отмахнулся я.

– Подойти к нему и спросить, нет ли у него чего-нибудь выпить? – предложил Мишка.

– Только сильно близко не подходить, – предостерёг я друзей, – а то он перегара не учует и заподозрит нас. Незвестно, как отреагирует.

Тимур попробовал пройтись, изображая пьяного. Смешно получилось, да и только. Совсем неубедительно, хотя у него опыт точно богатый.

– Не похоже! – смеясь сказал Мишка. – Он не поверит.

Парни принялись все сразу говорить заплетающимся язы-

ком и пьяно жестикулировать. Я смеялся до слёз. Не сразу заметил стоящую в дверях Диану. Она с интересом наблюдала за нами.

– Кхе-кхе!.. – привлёк я внимание друзей к сестре Тимура.

Парни стушевались, как будто их застали за кривлянием перед зеркалом.

– Вы добрых пьяниц изображаете, – наконец сказала Диана. – А надо злых.

– Почему? – не понял Тимур.

– Потому что ваши кривляния только насмешить могут, да и непохоже получается у вас. А вот если человека напугать, – объяснила она, – он не заметит и что от тебя алкоголем не пахнет, и что взгляд у тебя трезвый.

– Понял. Спасибо, – улыбнулся я и схватил Мишку за грудки. – Ты меня уважаешь?! Выпей со мной!

– Примерно так, – хмыкнула Диана, – хотя вам, конечно, подрасти бы еще чуток, а то не очень страшно.

Сказав это, она снисходительно хмыкнула и, повернувшись, ушла в комнату.

– Ладно, парни. Пойдёмте, – позвал я.

– Я не стал при Диане говорить, – заговорщицки сказал я, – злого пьяницу мы изображать не будем.

– Почему? – опять не понял Тимур.

– Потому, что наш живоде́р ненормальный человек. И мы не знаем, какая у него будет реакция на опасность. Может, он активно защищаться начнёт, если его напугать? Нельзя

так рисковать. Все поняли?

– Да, поняли, – буркнул Тимур, явно не согласный с таким планом.

– Тимур! Не надо его пугать, – остановил я его, схватив за руку. – И не надо его задерживать. Это дело милиции. Я понимаю, что ты в себе уверен и рассчитываешь только на победу. Но не надо. Это неоправданный риск. Всего лишь ради собаки. И главное, помни, тебе ввязываться в какие-то неприятности сейчас совсем нельзя. Ты на поруках!

– Да понял я, – выдернул он руку. – Не дурак.

– Ну всё. Тогда по местам, – скомандовал я.

Мы пожали друг другу руки и разошлись, договорившись дежурить с половины пятого до начала седьмого утра.

Мы со Славкой вышли на Островского и остановились возле Славкиного дома.

– Встречаемся у дома Либкиных в полпятого? – спросил я.

– Я не проснусь, – расстроенно ответил Славка. – И будильник ставить нельзя, всех разбуду.

– И я не проснусь. Давай ночевать у Либкиных наверху, – предложил я.

– И как мы узнаем, что уже полпятого? У нас часов нет.

– Есть. Возьму с собой наш будильник, – предложил я. – Кстати, заведём его и поспим до полпятого. А то завтра в школу.

– Давай, – согласился Славка. – Встречаемся у дома Либ-

киндов через десять минут.

– Одеял возьми, раз уж спать собрались, – подсказал я.

– Хорошо. Я и подушку возьму, – ответил Славка.

Я подумал, он пошутил.

Дома не спала ещё только бабушка. Попросил у неё будильник и, на всякий случай, трофейный фонарик. Надел на себя двое штанов, два свитера, двое носков, бушлат, ушанку, бурки. Предварительно выдержал от бабули допрос с пристрастием по поводу моих планов на ночь.

Одеяло своё брать не стал, боясь запачкать. Бабуля предложила взять старую шинель в сундуке. Я порылся в нём и, действительно, нашёл старую шинель. Шинель, как шинель. Серая. Свернул её вокруг руки, пожелал бабушке спокойной ночи и поспешил к Либкиндам.

Славка уже ждал у калитки. Он, на полном серьёзе, держал под мышкой подушку. В другой руке у него был длинный тулуп.

– Не могу на чужих подушках спать, – заметив мой недоумённый взгляд, ответил друг.

Я предложил проверить и настроить будильник сейчас, на улице, чтобы лишний раз не шуметь в доме. Неизвестно, какая у них слышимость.

Наконец, стараясь не шуметь и подсвечивая себе старую скрипучую лестницу фонариком, мы поднялись на второй этаж дома Либкиндов. Я ожидал увидеть что-то заброшенное, навроде нашего чердака, а здесь оказалась вполне жи-

лая комната, с двумя кроватями, столом перед единственным окном, сундуком и стулом. Зря я тоже подушку не взял. Славка, наверное, бывал тут, зараза, знал, куда идёт.

Я посмотрел в окно. Обзор великолепный. Поставил на стол тут же будильник и фонарик.

Славка разулся и улёгся на одну из кроватей, что пошире. Мне досталась кровать поуже, но на ней было толстое одеяло.

Встряхнул принесенную шинель, собираясь сложить из неё подушку. Что же она такая маленькая? Какого роста человек носил её? Я приложил её к себе прикинуть длину. Она же застёгивается на левую сторону... Это женская шинель!

Это как?

Я сел на кровати в растерянности. Откуда у нас в доме женская шинель? Вот сумасшедший дом! Как попал сюда, так ни дня без загадок!

Славка сладко посапывал. Счастливый. Уже уснул.

Надо тоже попробовать...

Но как? Мысли бесконечно крутились вокруг шинели, собак,... гитара...

От дикого треска будильника меня подкинуло над койкой. Спросонья не сразу сообразил, где я и что так трещит.

Пока подошёл к столу и выключил будильник, казалось, разбудил всю улицу.

Включил фонарик. Половина пятого. Ну, иди сюда, мерзкий душитель. Я спрошу с тебя за мою Умку. И за этот ран-

ний подъём тоже спрошу.

В свете фонаря Славка дико озирался по сторонам. Похоже, сесть-то он сел в кровати, а проснуться, ещё не проснулся.

Я потянулся из стороны в сторону. Сейчас бы кофейку.

Эх, не догадался хоть воды во фляге взять.

Выглянул в окно. Тихое утро. Темно. Фонари в стороне на Ленина и перед Школьником. Вполне достаточно, чтобы разглядеть человека. Я уселся за стол и приготовился наблюдать.

Славка упал обратно на кровать. Ладно, пусть поспит ещё час. Потом я его растолкаю, а сам лягу.

Час прошёл в унылом созерцании. Никто не вёл себя хоть капельку подозрительно. Прохожие деловито и собранно спешили по делам. Большинство прохожих шло в сторону механического завода.

В шесть часов я разбудил Славку. Он поднялся уже в более адекватном состоянии и сменил меня.

Я пролежал полчаса с закрытыми глазами. Уже привык вставать в полседьмого и не смог больше уснуть. Стул был только один, и я так и остался лежать.

Затем к нам поднялась завёрнутая в шаль Эмма, принесла чаю и бутерброды с маслом и сахаром. Поели, попили, поболтали, глядя на улицу. Уже и полвосьмого. Я понимал, что мы явно затянули наше дежурство, но Славка так не считал. Эмма была рядом, смотрела на нас уважительно, и с его точ-

ки зрения, жизнь удалась. Пришлось мне уже прервать эту идиллию.

– Ну что ж, – хлопнул я себя по коленям. – Отсутствие результата тоже результат. Пошли в тепло!

Мы спустились вниз, заглянули в хату и поздоровались с Эмминой бабушкой.

– Мы сегодня без улова, – скорбно поджав губы, сказал я ей. – Если и у парней на Госпитальной также, то нам придётся сегодня ещё раз к вам напроситься.

– Приходите. Чего уж там, – ответила бабушка.

– Слышно было, как будильник звенел? – спросил на всякий случай я.

– Я не слышала, – ответила Эмма.

– Я тоже, – сказала бабушка.

– Вот и прекрасно. Спасибо ещё раз. До свидания.

Мы со Славкой поспешили по домам. Надо собираться в школу.

Дома меня уже ждал на столе завтрак. После водных процедур переоделся в школьный костюм и уселся за стол. Жаль, что сегодня без пробежки, но кто же мне мешает сегодня больше подтягиваться и отжиматься, чтобы компенсировать ее отсутствие?

– Безрезультатно, – ответил я бабушке на её немой вопрос. – Интересно, как там у пацанов на Госпитальной ночь прошла. Если так же, сегодня опять в дозор.

Бабушка кивнула с усмешкой. Ей смешно смотреть на наш

энтузиазм и рвение по такому поводу. Ну и пусть. Я от этого дела не откажусь, пока результата не добьюсь. Маньяка раз-облачу!

Глава 2

26.02.1971 г. Возле дома Домрацких-Ивлевых

Подхватив собранный еще вчера портфель и одевшись, вышел во двор. Славка уже подходил к калитке. Идя к калитке мимо притащенных вчера поддонов отметил, что надо срочно ими заняться. Погода пока хорошая, снега нет. Но как долго это продлится, никто не знает. А пойдет снег, поддоны мокнуть начнут, ничего хорошего.

– А зачем тебе так много поддонов? – поинтересовался Славка.

– Увы, но это не много совсем, – с сожалением ответил я, – подозреваю, что еще пару ходок понадобится сделать за дополнительной партией. Вот только Никифоровне патрон в сени куплю, поставлю, чтоб задобрить, и снова вас буду просить о помощи.

– Какие вопросы, поможем, – Славка пожал плечами.

– Ловлю на слове, – усмехнулся я, – мне эти поддоны разобрать аккуратненько надо будет и дощечками, которые получатся, балки на чердаке обшить, чтоб вид приличный был. А часть поддонов самых крепких и одинаковых по размеру использую, чтобы мебель сделать.

– Мебель, – изумился Славка, – как ты себе это представляешь?

– Увидишь, – улыбнулся я, решив не раскрывать сразу все карты, а сам подумал: это он еще про винтовую лестницу не знает. Хоть бы получилось сделать все, как задумал. Это будет бомба!

– Интересно, как у Тимура с Мишкой ночь прошла, – переключился друг на следующую тему.

– Думаю, что также, как и у нас, – спокойно ответил я, – если бы они кого-то выследили, еще утром к нам примчались бы рассказать.

– Это точно, – согласился Славка, – Полянский может до школы еще выдержал бы, а вот Мишка сразу бы примчался, не умеет он эмоции долго в себе держать.

Я улыбнулся. Да, Мишка Кузнецов с виду был довольно спокойным, а на самом деле внутри у него как будто вулкан находился. И если этого не знать, то в определенных ситуациях можно было сильно удивиться.

Мишку с Тимуром встретили в раздевалке. Как я и предсказывал, их засада также, как и наша, результата сегодня не дала, но без приключений они не обошлись. Когда мы зашли в раздевалку, Тимур как раз с хохотом рассказывал Ветке и Свете Герасимович, как на чердаке на Мишку откуда-то сверху упала мышь.

– Он вскочил, руками машет, мышь куда-то в угол швырнул, – задыхался от смеха Тимур, – потом еще минут десять с фонариком лазил, все балки осматривал, пытался понять, откуда она свалилась.

Мишка хохотал вместе со всеми.

– А представь, какие это непередаваемые ощущения, когда тебе в темноте на шею падает что-то мохнатое и начинает лапками с острыми коготками елозить, пытаюсь удрать, – сказал он, отсмеявшись.

Девчонок при этих словах аж передернуло.

– Я теперь дома спать не смогу, – жалобно сказала Света, – у нас тоже мышей полно, все время теперь буду бояться, что на меня мышь свалится. Не знала, что они могут на потолок забраться.

Ветка сочувственно кивнула головой.

– На потолок не могут, а вот если балки на потолке или перекладыны какие, то запросто, – сказал Мишка, – вам надо просто кошку завести, и проблема решена.

– Так нельзя, аллергия у братика младшего, весь чесаться начинает, если кота погладит, – сказала Света, – а то бы уже давно завели. Мать тоже мышей боится.

– И у нас с Дианой аллергия, – сказал Тимур, – не повезло.

– А Диана скоро в школу придет? – поинтересовалась Ветка.

– Врач пока ее не выпускает, – ответил Тимур, – бронхит долго лечить, сказали еще неделю дома будет. Может в следующий четверг или пятницу справку все же закроют.

Я подошел к Мишке и тихонько спросил:

– Вы хоть не растрепали, что на чердаке делали?

– Обижаешь! – улыбнулся он, – помню, что никому ни

слова.

Ну, тогда ладно. А то иначе бы завтра в засаду идти бы уже и смысла не было. Девчонки сказали бы своим подругам про засаду на маньяка, те – своим, а к вечеру уже весь город бы обсуждал, как комсомольцы в засадах сидят по ночам.

Уроки прошли как обычно. Подготовка к экзаменам шла полным ходом. Мы снова разбирали экзаменационные билеты, подробно расписывая их в тетрадях. Еще буквально неделя, и все билеты будут разобраны, останется только повторять.

Пока сидел на русском языке, слушая хорошо знакомый материал, начал продумывать основные шаги по ремонту комнаты наверху. Неожиданно вспомнил, как мы забирали кроватку у деда Ариста, и как тот возился с какими-то досками во дворе. Вспомнил, как добротнo у него дома сделана лестница, причем явно вручную. Решил, что надо забежать к нему посоветоваться, где можно взять недорого инструменты и где лучше стройматериалы поискать. Что-то подсказывает мне, что он должен быть неплохо осведомлен по этим вопросам.

После уроков забежал также в подвал к Аркадию Наумовичу, договорился о тренировках по стрельбе. Пора уже потихоньку основы для будущей службы в армии закладывать. Хотелось бы в нормальные войска попасть. Буду хорошо стрелять, в стройбат уже точно не пошлют. Хотя... Это я пытаюсь с позиции здравого смысла рассуждать, а любая

армия и здравый смысл плохо совместимы. Если вспомнить все истории, что мне знакомые офицеры под водочку рассказывали, то армия – это удивительное место, где возможно абсолютно все. В ней сбываются мечты полковников и генералов, а также сноровистых прапорщиков. А все остальные выживают в зависимости от того, какие мечты были у вышеперечисленных. Если более-менее нормальные, то жить можно. А вот если нет...

Поднявшись в вестибюль, встретил Славку с Мишкой. Предупредил Славку, что у меня еще есть дела, и что домой я пока не иду. Договорились с ним снова сегодня ночевать у Эммы на чердаке в засаде.

– А Тимур где? – спросил Мишку. – Вы сегодня будете дежурить ночью?

– Дежурить будем, – кивнул Мишка, – а Тимур вон идет.

Он показал рукой в сторону лестницы. По ней спускался Тимур, держа в каждой руке по стулу со сломанными спинками. Мрачно взглянув на нас, он потащил их куда-то в подвал.

Похоже, директор времени не теряет, – подумал я, – уже успел припахать Полянского по полной программе на благо школы. Хотя для Тимура это неплохо – будет знать на будущее цену минутной слабости.

– Хорошо, – сказал Мишке, – тогда удачи вам в засаде... и нам тоже!

Мы с друзьями попрощались, и я рванул в сторону до-

ма деда Ариста. Пробегая мимо гастронома, столкнулся с выходящим оттуда Иваном Николаевым. В руках он держал авоську, в которой видна была бутылка кефира, батон и сверток, похоже, что с колбасой. Видимо, обедает сегодня на работе, – подумал я.

– Привет, Иван, – поздоровался, протягивая руку.

– Привет, Пашка, – пожал он мне руку в ответ, – куда бежишь?

– К деду Вероники хочу зайти, посоветоваться по поводу ремонта, – начал рассказывать я, – решил комнату на чердаке в нормальный вид привести, а то тесновато в доме, а так своя комната будет просторная.

– Молодец, – похвалил Иван, – это дело хорошее. И к деду Аристу правильно решил обратиться. Он мастер на все руки. Очень любит с деревом работать. Инструмента у него полно и посоветует всегда, как что лучше сделать.

– Ну отлично, значит правильно я догадался, – обрадованно ответил я.

– А что там с опросом владельцев собак? – вспомнил Иван наш разговор. – Ходил уже к кому-нибудь?

– Да, по всем адресам со Славкой прошли, – отрапортовал я, – в доме по Госпитальной никого не было, а вот по двум другим адресам переговорили с хозяевами. И, кстати, случаев убийства собак больше было. В доме на Ленина хозяйка рассказала, что такая же беда с собакой ее соседки приключилась, только та заявление не подавала.

– Да, жалобы не все подают, – кивнул Иван, – Обычное дело! Что-нибудь важное выяснили?

– Да не особо, – ответил я, – единственный интересный момент – все собаки были убиты примерно между пятью и шестью часами утра.

И дальше я ему изложил те же свои соображения, что раньше Славке и Мишке.

– Ого! – сказал Иван, – Да ты у нас, похоже, этот самый, Шерлок Холмс! Пойдешь к нам работать?

– Не решил еще, – дипломатично ответил я.

Хотя сам, конечно, знал, что в милицию точно не пойду. Никогда не любил, когда мне приказы отдавали. А с возрастом эта неприязнь к постоянному контролю только выросла. И хорошо – пошел в свой бизнес, стал сам себе хозяином, зажил неплохо. Пока не помер, конечно.

– И что дальше делать собираешься, детектив? – спросил меня Иван.

– Да пока не знаю, – сделал я невинно-наивное лицо, – что тут можно сделать, тупик.

Говорить ему про засады я не собирался. Запросто может сказать, что это слишком опасно для школьников, и запретить. И ведь придется подчиниться – портить отношения с милицией не стоит. Особенно Тимуру! А раз я его привлек, в его-то ситуации, то и ответственность всю несу. И ведь нам запретит, а сам делать ничего не будет. Не до такой мелочи милиции, а у меня других идей не было, кроме за-

сад, и мне принципиально важно было выщемить этого уroda. Спускать ему с рук убийство моей собаки я не собирался.

Иван смотрел на меня молча, взгляд его был подозрительным. Очевидно, не поверил, но сделать пока ничего не мог. Я спокойно смотрел на него также молча. Меня такими приемчиками не прошибешь. Наконец, Иван сдался и сказал серьезным голосом:

– Павел, мы же договорились, помнишь, никакой самодеятельности!

Я со всей искренностью заверил его, что сами мы ни-ни и чуть что, сразу к нему. Он сделал вид, что поверил. На том и разошлись каждый в свою сторону.

Подходя к дому деда Ариста, я услышал стук молотка. Стук доносился из дверей большого сарая рядом с домом. Дождавшись паузы, я крикнул:

– Добрый день! Хозяева дома?

Из дверей сарая выглянул дед Вероники.

– О, Павел, здравствуй, – приветствовал он меня, – заходи!

– Здравствуйте, дед Арист, – вежливо поздоровался с ним, – я к вам посоветоваться пришел.

– Ну спрашивай, – сказал дед.

– Я тут решил комнату у нас в доме на чердаке в жилое состояние привести, а то такое большое помещение без дела стоит, а я в гостиной ючусь. Хотел спросить у вас, где тут в городе можно инструментом разжиться и стройматериалы

прикупить.

– Это ты хорошо придумал, – заинтересовался дед, – все правильно, мужик должен уметь руками работать. А какой инструмент тебе нужен и какие материалы?

– С инструментом у нас дома вообще беда, – пожаловался я, – напильник да молоток, и у тех ручки поломаны, новые делать надо. Дрель ручная есть. И все в общем-то. Мне бы тиски раздобыть где-то, сверла купить по дереву и металлу, и ножовку хорошую. А из материалов думаю на пол фанеру постелить толстую, а то на чердаке доска плохая на полу лежит, замаешься выравнивать. А чтобы балки обшить, я уже поддонов на базе набрал, там дощечки хорошие. Обошью и лаком вскрыю. Лак, кстати, тоже нужен.

Дед слушал меня внимательно, не перебивая, периодически задумчиво почесывая затылок.

– И еще я лестницу задумал сделать на чердак, винтовую, – продолжил я. В глазах деда при этих словах появилось удивление. – Мне бы сварщика толкового найти, пару труб металлических большого диаметра и уголки.

– Планы, как я погляжу, у тебя грандиозные, – заговорил Арист. – Давай по порядку. С инструментом я тебе помогу. Люблю с деревом работать, у меня мастерская в сарае, все, что нужно есть, приходи и работай. Свой инструмент, который есть, в порядок приведи обязательно, в доме всегда что-то делать надо. Ножовку и сверла, если захочешь свои, то можно купить в магазине «Юный техник», он тут недалеко

возле вокзала, сразу за рынком. Гвозди там же. А вот с фанерой посложнее. В сделайсаме бывает, но тонкая, 5 мм обычно. Сантиметровую почти никогда не завозят, а если вдруг появляется, то свои раскупают, не поймаешь. Но я тебе помогу. Есть у меня знакомый, он из Брянска материалы возит, там выбор получше, чем у нас. Я ему часто материал заказываю. Он на воскресном рынке стоит обычно. Завтра как раз можно сходить, узнать, сможет ли достать и сколько стоит будет. Это что касается дерева. А вот с металлом ты учудил, скажу тебе. Зачем тебе винтовая лестница? Почему не деревянную?

— Да места у нас там мало для деревянной, не станет она, — ответил я деду, — а винтовая мало места занимает и удобная, если сделать правильно. К тому же скрипеть не будет, а это важно. У нас мелкая в доме, спит чутко.

— Ох, намаешься ты с ней, потом пожалеешь, что деревянную не сделал, — покачал головой Арист. — Но дело твое. Есть у меня племянш. Он у нас на механическом работает. Сварщик отличный. Я вас познакомлю. Про металл с ним переговоры. Из того, что ты назвал, в магазине разве что уголки найдешь, и то не факт, не всегда бывают.

— Спасибо большое, дед Арист, — горячо поблагодарил я, — так выручаете меня, должник ваш буду.

— Да какие там долги, — махнул рукой дед, — что ты, Паша! Ты ради моей внучки вон сколько сделал, это дорогого стоит, это скорее я тебе должен.

– Большое спасибо еще раз, – поблагодарил я, – а «Юный техник» в субботу работает?

– Да, до пяти работает, еще успеешь, если сейчас пойдешь.

– Отлично, я тогда сразу сейчас сбегая, чтобы знать, что там есть, – сказал я Аристу, – а завтра я на воскресный рынок собираюсь, патрон для лампочки все никак купить не могу. Надо уже таки дотуда добраться.

– Хорошо, вот там давай и встретимся, – обрадовался Арист, – часов в одиннадцать я туда собирался идти. Заодно познакомлю тебя с человеком, который материалы возит, там и узнаем все.

– Договорились, – сказал я, пожимая деду руку, – побегу. До завтра!

– До завтра!

«Юный техник», действительно, оказался неподалеку. Я просто еще ни разу не заходил так далеко, поэтому раньше его не видел. Пройдя вперед за здание вокзала буквально метров сто пятьдесят, я увидел нужный мне магазин. Войдя, обнаружил, что народу там довольно прилично. Люди с деловым видом стояли возле прилавков и стеллажей, что-то выбирали, рассматривали. Я начал высматривать отдел со строительным инструментом, но вдруг залип намертво у первой же витрины. Я увидел его, мою самую любимую детскую игрушку – металлический конструктор. Пластины разной формы и размера с отверстиями, гайки и болты. Все, что нужно для счастья! Сколько всего я делал из этого конструктора в

детстве, и мебель для кукол, и машины, и трактора, и дома, и даже космическую станцию. Все ограничивалось лишь фантазией. И самый кайф был в том, что можно было уговорить родителей купить второй набор, получить в результате в два раза больше деталей и делать все, что душе угодно. Десятки лет прошли с тех пор, как в последний раз вспоминал про этот конструктор – и как увидел, так сразу столько воспоминаний всплыло!

Магазин вообще был своеобразный, чего тут только не было. Я начал бродить по магазину и с интересом рассматривать товары. Модели самолетов, танков, кораблей в простых картонных коробках; сразу вспомнил лучшего друга, который постоянно клеил их вместе с отцом и братом. У него по всему потолку были подвешены модели самолетов, и он знал особенности каждого самолета, каким заводом выпускался, для чего, вместительность и прочее. Целый отдел радиодеталей, радиоприемники в это время собирал, наверное, каждый второй, а каждый первый знал, как это делается. Детские швейные машинки, наборы для выжигания и еще куча всякой всячины, которая в детстве была в списке того, что обязательно хочется иметь. Так, а где же все-таки инструмент?

Инструмент нашел в углу магазина рядом с отделом деревянных деталей. Тут все было поскромнее. Выбор инструмента был маленький. Присмотрел неплохую ножовку за семь рублей. Вещь нужная, придется разориться. Хотя сначала завтра на рынке гляну, вдруг удастся б/у приличную де-

шевле купить. Гвозди тоже были, правда, длинноватые. Но сейчас у меня с собой все равно денег нет. В следующий раз приду, спрошу. Может бывают и помельче.

Вдоволь насмотревшись и приценившись к нужным товарам, побежал домой. Дома обнаружил маму с Аришкой.

– Привет, мам, – поздоровался с ней, – не понял, ты же вроде говорила, что на работу выходишь, а бабушка с малой сидеть будет?

– Да не получается пока выйти, – пожаловалась мама, – сходила на работу, подала заявление, чтобы отпуск продлили по семейным обстоятельствам. Вроде удалось договориться, еще неделю дали. Так что посижу пока. А потом снова вопрос ребром встанет, – мрачно добавила она.

– Неделя отсрочки – это хорошо, – порадовался я. – А там может все-таки сможем с садиком что-то решить.

Мама с сомнением покачала головой.

Я переоделся, сбегал принес воды, вылил помойное ведро, наскоро пообедал, взял стремянку и полез на чердак. Надо было оценить предстоящий фронт работ.

Подсвечивая себе фонариком, тщательно метр за метром осматривал чердак. Пол при более тщательном осмотре оказался еще хуже, чем я думал. Доски разнокалиберные, подобранные по принципу «я тебя слепила из того, что было». Однозначное решение – толстая фанера. Балки на потолке были утыканы какими-то странной формы гвоздями, похоже, самодельными, только в одном углу чердака, так что под-

готовительной работы с ними было не так много. Первым делом решил, что надо сделать окно. Очень неудобно иначе будет здесь работать. Света нет, с фонариком много не работаешь. Так что надо озаботиться поиском рамы, и побыстрее.

Наконец, после оценки предстоящего фронта работ, направился к небольшой стопке книг и иконе, которые заметил в прошлый раз. Начал аккуратно рассматривать находку, подсвечивая себе фонариком. Икон оказалось две, а не одна. Под большой иконой, лежавшей сверху, оказалась еще одна поменьше размером. Обе иконы были деревянными, писаными масляной краской. На большей была изображена Богородица с младенцем, на меньшей какой-то святой. Иконы были в неплохом состоянии, повезло, что чердак сухой. Я не сильно большой эксперт, но, перевернув иконы и увидев на обратной стороне шпонки, понял, что относятся они скорее всего веку к 19 примерно. Но это собственно и все, на что хватило моих познаний.

Дальше перешел к книгам. Перебрал внимательно небольшую стопку. Там оказался требник, часослов, жития святых, толстая тетрадь, от руки исписанная нотами, тоже какими-то церковными песнопениями. Возле книг обнаружился еще небольшой фанерный ящик. Открыв его, увидел подсвечник, несколько лампад и кадило.

Картина постепенно начала проясняться. Судя по находке, это явно часть имущества какой-то церкви. Видимо, кто-

то из прихожан припрятал в доме на чердаке, чтобы не уничтожили. Что же мне с этой находкой делать?

На дворе махровые брежневские времена. Эту находку не то, что домашним, даже друзьям не стоит показывать. Надо припрятать от греха подальше. Но куда? Осмотрелся повнимательней и решение пришло само собой: по бокам крыши в углах были небольшие ниши. Я решил просто зашить их фанерой аккуратно и сделать там тайники. В один положу церковное имущество, пусть лежит до лучших времен, до них еще далековато, а второй оставлю про запас. Мало ли что еще под руку подвернется, будет куда спрятать.

Пока тайники не готовы, решил хоть немного замаскировать запрещенные предметы. Сбегал в сени, порылся в сундуке и притащил наверх пару серых матерчатых мешков. Тщательно упаковал в них книги и иконы. Так хоть не видно сразу, что это. Мало ли кто случайно может забраться сюда. Вряд ли, конечно, но все же.

Наметив список неотложных дел, полез вниз. Следующим номером программы шли поддоны. Закрыв чердак и убрав на место стремянку, пошел во двор с ними разбираться. Сами себя они, увы, на дощечки не разложат. Для начала перебрал все поддоны и отобрал те из них, которые пойдут для изготовления мебели. Их надо было припрятать куда-то от непогоды. Поискал место. Увы, вариантов особо не просматривалось. В сенях не развернуться, сарая нормального нет. Пришлось поставить поддоны обратно под козырек крыши

и надеяться, что хорошая погода продержится еще какое-то время. Остальные поддоны перетащил поближе к крыльцу. Решил, что буду разбирать их и дощечки в сених складывать. Осталось придумать, как их разобрать аккуратно, чтобы дощечки не повредить, имея тот инструмент, которым я располагал в данный момент.

Так, тут мне понадобятся гвоздодёр и кусачки. Дощечки прибиты гвоздями по шесть-семь сантиметров – буду вытаскивать гвозди за шляпки гвоздодером, там, где хоть немного торчат. Но шляпки не у всех гвоздей были хорошими – в некоторых случаях буду их откусывать и просто сбивать дощечку молотком, так она целее будет. А не сбегать ли мне сейчас к Аристу, одолжить инструменты и поработать пока светло?

Глава 3

26.02.1971 г. Дома у Домрацких-Ивлевых

Дед Арист не подвел – гвоздодер и кусачки выдал мне без звука. Должно быть, мои глаза горели такой фанатичной решимостью немедленно приступить к работе, что он не стал и пытаться меня задерживать под всякими стариковскими предложениями – попить чаю, перетереть про жизнь. Жаль, гвоздодер был не самый лучший – не сравнить с тем, что остался в моем гараже в той жизни. Им можно было одинаково удобно извлекать гвозди со шляпкой любого размера – очень качественно сделанная прорезь, продуманный градус наклона. Но и этот в дело годился. И следующие три часа я упоенно, ни на что не отвлекаясь, разбирал поддоны, заносая в сени дощечку за дощечкой.

Бабушка, конечно, очень заинтересовалась моей неожиданной активностью. Раз вышла в сени, словно невзначай, когда я дощечку очередную заносил, затем, через полчаса вышла и на улицу, посмотрела с минуту, как я пыхчу над очередным поддоном, молча ушла. Затем еще дважды ловил ее за подглядыванием в окошко. Прекрасно понимал, что происходит – ее прежний Пашка, небось, уже раз пять бы отвлекся от этой работы, а то и вовсе ее забросил. Но я получал истинное удовольствие, то самое, про которое из-

вестно всякому человеку, вынужденному заниматься очень сложной умственной деятельностью и перешедшему вдруг к простой физической работе. Умные, а иногда и очень умные люди воруют и прячут концы в воду, а аудитор вынужден не только разгадывать, как они это делают, но и прикидывать, останется ли он жив, если справится со своей работой. Мозги кипят, черепная коробка трещит. И вот на этом фоне, когда едва дым уже из ушей не идет, ты берешься за что-то простое и полностью понятное, типа разбирания поддонов, и организм тебе говорит – ай, молодца! Что же ты раньше-то так не мог, и надо мной издевался! И делает тебе впрыск гормонов удовольствия, намекая деликатно – ты подумай, может, и не стоит заниматься той фигней, что прежде, которая уверенно ведет нас двоих к инфарктам и инсультам?

Бабушка, кстати, все же не выдержала и прервала мою работу – напомнив, что мне скоро со Славкой в засаду нужно идти. Ну, тут уже ничего не поделать – без ужина лезть на старый чердак было не с руки. Покушал, налил горячего чая, и сел с кружкой за французский, чем поверг бабушку в шок. Впрочем, времени оставалось мало, поэтому просто повторил глаголы, что начал разучивать на базе, и принялся составлять список стройматериалов, что мне понадобятся. Пришло в голову, что лучше его иметь на руках завтра на рынке, чтобы чего-то не упустить.

Про фанеру дед Арист обещал завтра похлопотать у нужного человека, значит, мне нужно точно знать, сколько ли-

стов мне нужно брать. Правда, тут же понял, что не в курсе, какого размера листы фанеры сейчас в магазинах – в двадцать первом веке, вроде, были метр двадцать на два пятьдесят, или два семьдесят. Если с сухой штукатуркой не путаю. Пришлось слазить на чердак и хоть примерно измерить пол – правда, вместо нормального сантиметра пришлось использовать портняжную мерку. Зная размер пола, смогу завтра рассчитать и необходимое количество листов фанеры, когда узнаю размеры.

Гвозди понадобятся шестёрка для дощечек, килограммов пять, и десятка для фанеры – этих уже килограмма три должно хватить. Занес в список инструментов еще топор с широким лезвием – наточу до бритвенной остроты и ничего нет лучше, чтобы стесать неровные доски в неудобных местах, где с рубанком не подлезешь.

Ну и лак, естественно, причем на акриловый вряд ли можно рассчитывать, скорее всего. Зато обычный, хоть и редкой вонючести, будет дольше держаться. Подумал и о том, что на время работ с лаком мне точно пригодится противогаз – поберечь легкие и печень в замкнутом помещении, значит, и его заносим в список. Ну и женщин с малой придется отселить на пару дней, пока лаком вонять не перестанет – но вот это вообще не будет проблемой, люди в СССР гостеприимны до невероятности. Пожалуй, и сам пойду погощу где-нибудь, чем буду дышать этими испарениями на первом этаже.

Договорились со Славкой встретиться у дома Эммы в

одиннадцать часов. Когда закончил с предварительными расчётами, ходики показывали без пятнадцати. Мама с Аришкой уже спали. Бабушка укладывалась. Начал собираться в дозор. Учитывая опыт прошлой ночи, взял подушку и фляжку со сладким чаем. Будильник, фонарик. Вроде, всё.

Оделся потеплее, как в прошлый раз и вышел в сени. Взгляд наткнулся на шинель. О, забыл спросить у своих, чья она. Но не возвращаться же. Бабушка уже, наверное, легла. Ладно, успею.

На улице возле дома Либкиндов уже топтался в нетерпении Славка. Руки у нас обоих были заняты и вместо рукопожатия мы пихнули друг друга локтями.

– Ну, что, вперёд, навстречу приключениям? – спросил я друга, видя, как ему всё это интересно.

– Пошли. – согласился Славка и первым уверенно пошёл к дому. Там ещё горел свет. Мы занесли своё барахло наверх и спустились поздороваться, оставив куртки и обувь в сенях.

– Добрый вечер. – заглянул я в хату, предварительно постучавшись.

– Входите, входите. – позвала нас бабушка Эммы.

Они с Эммой сидели за столом. Перед Эммой лежала тетрадь, в руке ручка. Судя по грустному лицу девчонки, у неё до сих пор не сделаны уроки.

– Что за проблемы? – спросил я, подходя к столу.

– Сочинение пишем. – недовольно ответила бабушка.

– И что не получается?

– Сочинение на тему «Каким я вижу будущее своей Родины». – объяснила Эмма.

– Да... Это трудная тема. – почесал я затылок заглядывая к ней в тетрадь.

«Моя Родина в будущем станет ещё более цветущей и благодатной. Люди в ней будут счастливыми и здоровыми. Все будут трудиться и не будут ни в чём нуждаться».

– Ну, так-то всё правильно написала. А дальше что оставилась? – спросил я.

– Не знаю, что дальше писать. – чуть не плача, сказала Эмма.

– Ну. Ты девочка, если напишешь про жизнь обычной женщины в будущем, думаю, нормально будет. – предложил я. – Не обязательно же писать про пленумы ЦК и партийные съезды.

– Да? – оживилась Эмма. – Это я могу.

– Ну, и пиши. В нашей стране в будущем огромную поддержку получит детство и материнство. Декретный отпуск по беременности и родам будет четыре месяца, а по уходу за ребёнком до трёх лет. За молодыми мамами в это время будут сохраняться рабочие места и зарплата.

– Ух ты! – восхитилась Эмма, торопясь записывать за мной.

– Не перебивай. Пиши дальше. При рождении ребёнка матери будут получать от государства различные единовременные и регулярные пособия, а также крупный материн-

ский капитал. Молочные кухни бесплатно будут обеспечивать каждого ребёнка необходимым питанием. В яслях и садах не будет очередей. В школах дети будут учиться только в первую смену.

Я задумался, что же ещё ей продиктовать. Но Эмма уже поняла идею и сама сочиняла. Молодец. Она писала про полуфабрикаты, облегчающие жизнь работающим хозяйкам. Я подсказал ещё ей про курьерскую доставку продуктов и промтоваров. И про стиралки-автоматы и посудомоечные машины.

Сочинение быстро увеличивалось в объёмах. Минут за двадцать сочинили совместными усилиями полторы страницы.

Нормально.

Довольная Эмма собрала портфель, и мы уселись пить чай.

Бабушка Эммы отошла проверить мелкого.

– Эмма, как твою бабулю зовут? – шёпотом спросил я, воспользовавшись моментом.

– Клара Васильевна, – также шёпотом ответила она.

Я удовлетворённо кивнул головой. А то сколько общаемся, а так и не познакомились.

Мы допили чай, я встал и потянул Славку к выходу. Он нехотя поднялся и с мольбой в глазах посмотрел на меня.

– Поздно уже, людям спать надо, – шикнул я на этого Ромео.

Мы вышли с взаимными пожеланиями спокойной ночи.

– Спокойной ночи нам, как раз, и не надо бы. – сказал я, когда мы поднялись на второй этаж. – Хочется уже поймать этого упыря.

– А я бы подежурил тут... – мечтательно ответил Славка.

Я хмыкнул, расставляя на столе у окна будильник, фонарик и флягу.

Славка улёгся на ту же кровать, что и в прошлую ночь. Я последовал его примеру.

– Паш. А ты уже думал, что Юльке на восьмое марта подаришь? – вдруг спросил Славка.

Блин! Восьмое марта! А у меня женщин целая толпа. И всем подарки надо. А ремонт? Я прямо расстроился.

– Подарки, твою мать... – с досадой проговорил я, садясь на кровати. – Забыл совсем...

Славка оторвал голову от подушки и с удивлением смотрел на меня.

– Своими руками будем делать. – решил я.

Славка аж сел в кровати.

– Что, открытки будем рисовать? – недоверчиво спросил он.

– Какие открытки?! Мы же не в детском саду.

Я лихорадочно соображал, чем бы удивить своих женщин.

– Дед Арист приглашал к себе в мастерскую... – проговаривал я мысли вслух. – Придётся пожертвовать частью дощечек, что я для ремонта отложил. Можно сделать один по-

дарок маме и бабушке, один подарок Юльке и её маме, один подарок Никифоровне. А, и Диане еще. Мне надо четыре подарка. – посчитал я.

– А мне надо два. – прикинул Славка. – Маме с бабушкой и Эмме с её бабушкой.

– К восьмому марта уже и мать Эмки подтянется. – подсказал я. – Но сделаешь им один подарок на троих.

– И какой?

– Сделаем деревянные наборы для специй на стенку вешать. На три майонезные баночки. Крышечки на банки тоже из дерева сделаем. У тебя есть выжигательный аппарат?

– Набор для выжигания? Валялся где-то, поискать надо. А что это за набор для специй? Думаешь, им понравится?

– Вообще, удобная вещь. Все рядом, под руками. А то у них, соль в одном месте, перец в другом, кориандр в третьем... Где нам майонезных банок столько найти? Мне четыре набора, тебе два. Это двадцать банок надо.

– К Мишке Кузнецову сходим, попросим. – отмахнулся Славка от этой проблемы. – У него же мать в гастрономе работает, там этой стеклотары... Правда, придётся объяснять, зачем нам столько банок. Он тогда тоже захочет.

– Ну, и пусть. Жалко, что ли?

– А дед Арист пустит нас всех к себе в мастерскую?

– Не знаю, спросим.

– А одного набора на всех достаточно разве будет? – беспокоился Славка.

– Нет, конечно. Купим к каждому набору ещё по тарту.

– А цветы?

– Ну, если к этому ещё и по веточке мимозы каждой вручить, то, вообще, идеально будет. Я, вот, думаю, что мне малой сделать? Игрушку надо бы какую-то смастерить...

– Пирамидку какую-нибудь сделай. – предложил Славка.

– Ага. Только стержень нужно крепкий... – начал прикидывать я.

– Ну, не знаю. Может, дед Арист что посоветует... Хотя, кто мешает сделать железный стержень? Обработать хорошо, чтобы заусениц не было... – предложил Славка.

Подумав, я ответил:

– Нет, наверное, все же деревянную основу сделаю. А то долбанет еще этой железякой себя или мать. Будем избегать травм.

– Ладно, Славка. Утро вечера мудренее. Давай спать. А то день завтра тяжёлый.

– Воскресенье же.

– Планов много.

Перед глазами мелькали дощечки от поддонов. Не заметил, как уснул.

Будильник прозвенел неожиданно. Спросонья ринулся с кровати не в ту сторону, ударился коленкой. Потирая ушиб, доковылял, наконец, до стола и выключил будильник. Время половина пятого.

– Пора вставать? – спросил сонный Славка.

– Пора. – ответил я, посмотрев в окно.

Воскресное раннее утро. На улице никого. Город ещё спит. Даже трудно представить себе, что кто-то сейчас ходит по городу, высматривая себе новую жертву.

Подошёл Славка и занял пост у окна. Ну и хорошо, я пока зарядку сделаю.

– Ты как-то сказал, если хочешь узнать, как будет выглядеть девушка, посмотри на её мать. – вдруг сказал Славка, играясь шпингалетом на оконной раме. – Я вот, всё думаю, если так, то мать Эммы должна быть похожа на свою мать. А они такие разные!..

Он повернулся ко мне.

– Как думаешь, Эмма на мать будет похожа или на бабушку?

– Сначала на мать, потом на бабушку. – отшутился я.

Мне бы его проблемы. Тут не знаешь, как элементарными инструментами обзавестись да нормальными материалами.

Мы просидели часа полтора. Когда было уже около шести, на улице стали появляться люди. Облокотившись о стол, я всматривался в прохожих. Они все спешили, быстро проходили мимо нас.

Но вдруг возле одного из намеченных домов с подходящими для злодея собаками остановился высокий угловатый мужик.

Славка ткнул меня.

– Вижу. – кивнул я.

Мы напряжённо наблюдали. Неужели получилось? Мы подкараулили его?

Мы оба были одеты и готовы в любой момент спуститься и начать слежку.

Мужик не уходил. Осмотревшись по сторонам, он подозвал собаку.

Доверчивое создание подбежало к нему. То ли она не лаяла, то ли мы слишком далеко были, нам не было ничего слышно.

Видимо, Славка подумал о том же, потому, что он открыл окно. Было невероятно тихо. Слышно даже, как снег хрустит под ногами у мужика, который вошёл в чужой двор.

Сомнений не осталось: это тот маньяк, которого мы ищем. Напряжение нарастало.

Нужно идти вниз и быть наготове. Сердце колотилось как сумасшедшее. Показал Славке жестом, что пошёл вниз. Он кивнул.

Вышел на улицу и посмотрел вверх. Славка выглядывал из окна.

Вдруг раздался истошный собачий визг. Я вздрогнул всем телом от неожиданности и помчался к калитке.

– Брось пса, сука, убью! – заорал на всю улицу Славка и оставив открытым на распашку окно, побежал вниз.

Я выскочил на улицу и увидел, как мужик, испуганно озираясь, выбежал на улицу и побежал в сторону Ленина. С пустыми руками. Я за ним. Славка за мной.

Вот и проследили незаметно.

На доли секунды остановились возле двора, где поскуливала собака. Скулит, значит живая.

Бросились за маньяком. Он бежал огромными шагами. Длинноногий. Худой. У гастронома свернул на Госпитальную. Мы за ним. Пробежали мимо дома Полянских. Интересно, парни нас видели?

Маньяк свернул на Школьную и побежал в сторону железной дороги.

Воскресенье, седьмой час утра. А на улице полно народу. Только что никого не было, и вот тебе раз! Откуда они все?! Маньяку удалось немного оторваться, но мы не упускали его из вида, потому, что он был выше среднего роста и хорошо выделялся на фоне остальных прохожих.

Мы добежали вслед за ним до проходной механического завода. Он заскочил внутрь. Все, на этом надо останавливаться. Мы и так зашли намного дальше, чем я обещал Ивану. Разочаровывать его не хотелось – хорошую репутацию зарабатываешь долго, а разрушить можешь за один миг.

Развернувшись, увидели подбегающих к заводу Тимура с Мишкой. Они видели нас и, естественно, побежали следом.

Славка со злостью пнул ногой кусок льда, и он отлетел далеко в сторону.

– Не поймали. – понял всё без слов Мишка.

– Мне кажется, я успел его разглядеть, когда он собаку бросил и выскочил со двора. – сказал я.

– Мы тоже его видели, когда он мимо нас пробежал. – сказал Мишка.

Раздосадованные мы поплелись домой.

– Что дальше? – спросил Славка. – Вряд ли он в ближайшее время на охоту решит выйти.

– Это точно. – согласился я. – Вспугнули мы его сегодня знатно. Он, наверное, теперь с неделю будет на каждую тень оглядываться.

Все вместе дошли до Госпитальной, Тимур и Мишка пошли к себе, а мы со Славкой пошли дальше. Выйдя к нам на Огарёва, сразу наткнулись на Ивана. Он был не в форме. И, вообще, одет на скорую руку.

– Ко мне подойдите оба. – строго скомандовал нам он. – Что тут случилось? – спросил он, когда мы подошли к нему.

– Когда? – включил дурака я.

– Минут двадцать назад. Кто орал фальцетом, что кого-то сейчас убьёт? Ко мне местные прибежали, решили, что в одной из хат убивают кого! Увидел вот вас, и сразу вспомнил про ваш интерес к этому району, – сказав это, Иван уставился на Славку. Уже понял, что со мной в гляделки бесполезно играть.

Славка не выдержал его взгляда. Слабак. Ничего не сказал, но и без этого спалился. Иван всё понял и посмотрел на меня. Теперь он решит, что я способен на враньё. Надо что-то делать.

– Хотели проследить за ним по-тихому. – сказал я, спо-

койно глядя ему в глаза. — Но нервы сдали, шумнули, когда эта скотина схватила собачонку и душить начала.

— И? — Иван строго смотрел на меня.

— Спугнули. Сбежал.

— Дилетанты. — с досадой сказал он. — Хоть разглядели?

— Можно сказать, да.

— Опишите.

— Высокий, худой. Лицо такое же, длинное, щеки впалые.

Лоб с залысиной.

— И всё? Докуда, хоть, довели?

— До проходной механического завода. Как я и предполагал, работает он там.

Иван с интересом взглянул на меня. О чем-то задумался. Вздыхнул.

— Всё! Никакой больше самодеятельности! Вы поняли? — строго наказал он. — Смотрите у меня!

Мы со Славкой молча кивнули головой.

Иван пошёл домой. А мы остались стоять перед домом Либкиных. Там уже горел свет.

— Пойдём, зайдём. — кивнул я в сторону дома. — А то, небось, разбудили, напугали...

Славка молча кивнул.

Мы вошли в сени, постучались в хату. Дверь почти сразу открылась. Клара Васильевна молча кивком головы пригласила нас войти.

— Не поймали. — поняла она по нашим расстроенным ли-

цам.

– Зато собаку спасли. – подсказала Эмма.

– Откуда знаете? – мрачно спросил Славка.

– Так вы так кричали, что я сразу проснулась, и выскочила. – объяснила Клара Васильевна. – Никого уже не было, но собака соседская скулила жалобно так. Лапу ей повредили, хромает, но жить будет.

Оказалось, что, когда мы убежали за маньяком, на улице случился небольшой переполох. Хозяева собачки, чуть безвременно не почившей, вышли на улицу и пытались разобраться, что случилось. На шум выскочили и соседи. Кто-то тут же и Ивана дернул – смысл в милиционере, живущем неподалеку, если его позвать нельзя.

Мы со Славкой забрали свои вещи со второго этажа Либкиных, поблагодарили хозяек и пошли по домам.

Славка предложил встретиться перед школой здесь же, у Эмкиного дома. Я согласно кивнул головой. Надо привыкать, что нас теперь трое.

На пробежку не пошли, набегались уже. С этой точки зрения удачно вышло, хотя и спонтанно.

Приступил сразу к подтягиваниям, отжиманиям, а потом к водным процедурам.

Не спеша позавтракал, выслушав упрёки мамы и бабушки по поводу того, что подверг себя сегодня опасности. Иван, оказывается, сразу после разговора с нами к ним зашел. И заложил нас – что мы по городу за стремными мужиками

гоняемся. С одной стороны, я понимаю, у него обязанность такая, следить, чтобы школьники вели себя осторожней, и воздействовать для этого на родителей. Но осадочек у меня все же остался.

Натаascal воды. И занялся поддонами, аккуратно разбирал их до десяти часов. Размышлял, как пробраться на завод. Может, через бабушку попробовать?

Без пятнадцати одиннадцать был уже у деда Ариста. Открыла мне Вероника, очень удивившись моему появлению. Пришлось объяснять ей, что у нас с дедом договоренность на сегодня идти вместе на рынок.

В дом пройти отказался, ждал деда во дворе. Скоро он вышел и повёл меня по значным местам, как он выразился.

Хороший дед. Мне понравился его темперамент: яркий, сильный, энергичный и, в тоже время, открытый. Если уж смеётся, то от души. Если рассердится, то лучше не попадаться ему на пути. Ну, это я и сам помню – хорошо, хоть его шашка по ночам в кошмарах не сниться.

Он провёл меня по рядам рынка, познакомил с несколькими людьми представив, как родственника. Подсказал, где купить патроны и лампы. Я купил сразу два патрона, Никифоровне и себе на чердак. Взял лампочек про запас. Попросил на шестьдесят ватт, а то, мне кажется, у нас сороковки везде. Темно, как у негра в...

Спросил ещё пробник, но меня не поняли. Когда я объяснил на пальцах, что мне надо, мне сказали, что это «индика-

торная отвёртка, сынок». И продали за три рубля ГДРовский пробничек в карболитовом корпусе. Б/ушный, но в очень хорошем состоянии.

Познакомил меня Арист и с мужиком, что с фанерой мог помочь. Колоритный такой мужик, высотой под два метра, плечистый, с будёновскими усами. Я-то думал, что мода на них уже прошла, но нет. Листы у него оказались по полтора на полтора метра. Посмотреть не получилось, товар был под заказ. Но вот когда он озвучил цену, я приуныл. За квадрат он запросил по четыре рублика. Нетрудно посчитать, что один лист выходил почти в десять рублей. Мои сбережения мне никак не позволяли закупить нужный метраж на весь пол. На попытку поторговаться, он возразил:

– Так трехмиллиметровая по полтора целковых стоит за метр. И попробуй еще найти! А тут – девять миллиметров!

Стало ясно, что фанера в СССР вполне себе дорогостоящая и престижная вещь. Жаль, придется придумать что-то взамен.

Зато лака купил четыре банки. По три рубля за банку. Хорошая цена, на мой взгляд.

В целом, экскурсия на рынок прошла очень плодотворно и познавательно. Со всеми, с кем меня знакомил Аристарх, я старался перекинуться хотя бы несколькими фразами, чтобы люди меня запомнили, и воспринимали в будущем как серьезного покупателя. Прикупил деревянную ручку для стамески, средних размеров рубанок и ножовку б/у за пять руб-

лей. Почти не использованные.

Обратно шёл довольный. Дед тоже был очень доволен, пригласил зайти на чай. Но я попросился не на чай, а в его мастерскую на консультацию по поводу подарков на восьмое марта.

Деду очень понравилась моя идея. Он сразу прикинул, как сделать деревянные крышечки на банки. Он предложил вырезать из моих дощечек два диска: один соответствовал бы внутреннему диаметру горлышка банки, второй на сантиметр больше. Собрать их на деревянный шкант и проклеить. Шкант будет торчать вертикально из дисков, это и будет ручка крышки.

Всё гениальное просто.

Дед обещал любую помощь, только приходи.

Я спросил, могу ли привести с собой пару друзей. И получил приглашение хоть на весь класс.

Замечательный дед.

Мы тепло распрощались. Я поспешил домой. Уже и есть хотелось. И дел полно.

Бабуля напекла пирожков с капустой. На первое были щи. И на второе была капуста, солянка. Съел всё.

– Спасибо, всё было очень вкусно. – подошёл я к бабушке, чмокнул её в щёку и осторожно спросил: – А что, у нас денег не хватает?

Бабуля встрепенулась и удивлённо взглянула на меня.

– С чего ты взял?

– На первое капуста, на второе капуста...

– Поля в отпуске была, в Пермь съездила, деньги оставила, сейчас за свой счёт сидит... – ответила бабушка.

– Понятно.

Принёс бабушке четвертак. Она губы поджала, но взяла.

Ремонт – это ремонт, а продукты – это продукты.

Налил себе чаю. Пирожки у бабушки обалденные. Как же на завод напроситься? Тем более после визита Ивана?

Глава 4

27.02.1971 г. Дом Домрацких-Ивлевых.

Мама укладывала после обеда Аришку. Бабушка мыла посуду. А я сидел за столом рассеянно уплетая пирожки и строя планы по проникновению на территорию завода.

– Матери дополнительную неделю отпуска еле-еле дали. – вдруг пожаловалась бабушка. – Через неделю ей кровь из носу надо на работу выходить, а ясли всё не дают. Мне придётся на работе договориться, что я после обеда работать буду, а не с утра. Ты со школы будешь приходить и вместо меня с Аришкой оставаться, а я на работу. А к половине шестого уже и мама с работы будет возвращаться.

Так, так, так. Тема завода сама всплыла. Правда, я ещё не представлял, как этим воспользоваться.

– Ба, пока я к двум часам приду, пока ты до работы добежишь, уже три будет. Тебе четыре часа надо работать? До семи, что ли, будешь на работе сидеть?

– А куда деваться? – ответила бабушка. – Жалко место терять.

– Место терять жалко. – подтвердил я. – А что ты там делаешь?

– Веду учёт жидкого топлива. Если это тебе о чём-то говорит.

– Бензина что ли?

– Бензина и солярки.

– И как ты его ведёшь? Учёт жидкого топлива...

– В ведомостях по подразделениям и по видам топлива. –

ответила бабушка на автомате, задумавшись о своём.

– На основании чего? Каких документов?

– На основании путевых листов.

– Это расход. А приход?

– На основании заявок на получение талонов. – ответила бабуля, переключившись на меня, и поглядывая с явным интересом. – Я их визирую.

Точно. По талонам же раньше заправлялись. Господи, как давно это было...

– А ты и талоны учитываешь? И талоны у тебя? – оживился я.

– Здрате. Талоны в сейфе, в кассе. – усмехнулась бабуля. – Они их и выдают, и учёт их сами ведут.

– Хорошо. – разочарованно протянул я. – Тебе принесли путёвки. Они уже заполнены и обсчитаны?

– Частично заполнены. По показаниям счетчика пробег считаю и расход топлива по нормам. – ответила бабушка, все более удивлённо глядя на меня. – И ещё коэффициент надо учитывать, завгар проставляет.

О, хорошо, что коэффициент уже кто-то проставит. А то я так всегда косячил с ним. То прозеваю, когда зиму отменяют, то ещё что-то... Править потом приходилось целые стопки

документов.

– Пробег и расход топлива? И всё?

– Я всё учитываю. Расход, приход. А главное – остаток. Когда ко мне приходят заявки на талоны визировать, я смотрю, чтобы у них излишки не копились и в путёвках, и в целом по подразделению.

– А кто приходит?

– Начальники служб. – объяснила бабуля.

В маминой спальне заплакала Аришка.

– Так, так, так... – пробормотал я, соображая, как можно воспользоваться сложившейся ситуацией в своих интересах. Но ничего в голову, пока, не приходило. – А нельзя там договориться, чтобы мама путёвки домой брала, ты бы их тут заполняла, а она бы их на следующий день обратно уносила?

– Что опять я? – проворчала вышедшая зачем-то в кухню мама.

– Ну, заполню я дома путевые листы, а по ведомостям их кто будет разносить?

– Ну, пусть мама и ведомости принесёт.

– Как ты себе это представляешь? – бабушка махнула на меня рукой показывая остановившейся рядом удивлённой маме, что на меня не надо обращать внимания. – Это же завод! Там каждая ведомость – амбарная книга. Каждое подразделение ведётся отдельно по солярке, по семьдесят второму бензину и семьдесят шестому.

– Ну, их же надо только один раз принести, я помогу.

– Он поможет... – проворчала бабушка. – Заявки на талоны тоже ты будешь визировать?

– Ба! Ну, уж пробег-то и расход топлива в путёвках я, точно, посчитаю и по ведомостям разнесу. – заявил, забывшись я.

УПС! Штирлиц никогда... Ой, все!

– Мам. Ну, хочет, пусть работает. Там делов-то. Покажешь ему всё, научишь... – вдруг поддержала меня мама. – Он с Аришкой сейчас не справится.

Чего это я не справлюсь?! Я хотел было возмутиться, но вспомнил, что мне шестнадцать и опыта заботы о детях у меня, типа, ещё нет.

– А заявки? – уже не столь уверенно спросила бабушка. – Их кто будет подписывать?

– Ну, кто-то же их подписывает, когда тебя нет? Ты же полдня всего работаешь. – подсказала мама и вернулась в спальню к Аришке.

– Ну, не знаю, не знаю... – пробормотала бабушка и с сомнением взглянула на меня. – Работа, конечно, не сложная. Но любому делу учиться надо.

Я не стал сейчас с ней спорить и давить на неё. Лёд и так уже заметно тронулся. Пусть поживёт с этой мыслью, привыкнет к ней.

Сказал, только:

– Ба, чтобы вам помочь, я готов в любой момент научиться чему угодно.

– Ладно, ладно. – отмахнулась бабуля от моего пафоса. – Хочешь – давай, попробуем.

Она сосредоточенно протирала тарелки полотенцем.

– Завтра посоветуюсь с начальством. У нас многие своих детей на завод приводят на лето. С четырнадцати лет уже все деньги зарабатывают. И трудовой стаж, опять же... – рассуждала она вслух. – А тебе шестнадцать уже. Вообще можно трудоустроить вместо меня.

Йес! Получилось!

В прекрасном настроении я полез в сундук в сенях. Кажется, я там провод видел. Точно, есть немного. Но этого не хватит, чтобы дотянуть до центра потолка. И выключатель забыл купить. Мудрить не стал, немного повозился и сделал переноску: лампочка Ильича в патроне на свободном проводе, с которым ходишь, куда надо, и подсвечиваешь в нужном месте.

Чтобы лампу можно было повесить и освободить руки, поднял на чердак старый стул и повесил переноску на его спинку.

При полноценном освещении фронт работы представился мне в полном объёме. Это тебе не фонариком времен второй мировой светить. Доски под крышей страшные... Обивать, похоже, надо будет всё по кругу, не только полы. И дело это непростое – нужно будет бить аккуратно. Не хватало еще ударом изнутри по подгнившей доске шифер на крыше расколоть.

Всё, что я смог пока сделать — это вытянул несколько гвоздей. Остальные надо загибать и забивать, но шуметь нельзя, Аришка спит.

Принялся просто убираться. Подмёл, собрал с пола целое ведро какого-то хлама.

Чтобы исключить переноску, пришлось выкрутить из патрона лампочку. А она горячая!.. Но, зато теперь есть свет.

От того, что много раз лазил туда-сюда, на чердак и обратно, нагретый воздух из хаты поднялся наверх, на чердак. В хате стало холодно. Бабушка начала на меня бухтеть.

Мне что же, откладывать ремонт, пока весна не начнётся?

Задумался над полом. На фанеру пока денег нет. Ждать удачной подработки, или искать альтернативу? От безысходности родилась идея — можно же подровнять слегка пол и аккуратно уложить дощечки от паллет наподобие паркета. Только подгонять и циклевать этот самодельный паркет замучаешься. Хотя, может, циклевать пол на неотапливаемом чердаке вообще излишество?

Стал рассчитывать, сколько материала понадобится — впечатлился, подсчитав. Везить мне и везить паллеты с базы... Тем более, если стены и потолок тоже дощечками обшивать. Надолго подготовка затянется.

Ещё один вопрос тоже нужно решить. Как устроить люк? Сделать откидной на петлях, или просто усовершенствовать нынешнюю конструкцию в виде утепленной крышки? Решил, что второй вариант более реалистичен. При первом

слой утеплителя резко уменьшится, зимой хата будет выстуживаться. Значит, как потеплеет, займусь этим. Заодно расширю люк, чтобы винтовая лестница лучше вписалась.

О, ё-моё! Чуть не забыл про Никифоровну. Я же ей патрон купил! Не прошло и года.

– Ба, а где Никифоровна живёт? – спросил я.

– Мы же с тобой ходили к ней. – напомнила она мне.

– Думаешь, я запомнил, куда ты меня в итоге привела после всех магазинов?

Бабушка хмыкнула и подошла ко мне.

– Как же тебе попроще объяснить? Идёшь до школы. На перекрёстке сворачиваешь направо на улицу Огарёва. Доходишь до Первомайской и на той стороне упираешься в дом Никифоровны.

– Так она на Первомайской живёт? Это я мимо её дома сколько раз ходил?

– Получается, так.

– Ладно, разберусь. Как у неё собаку зовут?

– Чапа.

– Я побежал. – чмокнул я бабулю. Прихватил пробник, на всякий случай, и патрон.

Дошёл до школы быстрым шагом, как сказала бабушка, вышел по Огарёва к Первомайской и сразу увидел перед собой нужный дом. Я сразу вспомнил его и узнал с этого ракурса. Мы к нему, в тот раз, когда бурки мне купили, так же с Огарёва вышли.

А когда я ходил мимо него по Первомайской, не видел в нём ничего знакомого. Всё-таки точка обзора имеет значение.

Собаку я позвал по имени, она разлаялась, но не зло. Никифоровна выглянув в окно и увидев меня разволновалась, не случилось ли чего.

Когда я подошёл к дому, она уже вышла на крыльцо.

– Что случилось, Паша? – взволнованно спросила она.

– Не волнуйтесь, Анна Никифоровна. Я патрон, наконец, вам в сени купил.

– А... Хорошо, конечно. А то, темнеет рано, вечно в потёмках в хату пробираюсь.

Она скрылась в доме. Заглянул следом и попросил её табуретку подать и газету. Не охота мне было разуваться, да и холодно в сенях. Пришлось попросить и нож: провода требовали зачистки. И лампочку новую сразу попросил.

Табуретку поставил прямо перед дверью, Никифоровна попыталась было выйти, но уткнувшись дверью в меня, сообразила, вернулась в дом и больше не выходила.

Нашёл щиток, выкрутил пробки и спокойно занялся починкой. Хорошо, когда и время есть, и никто с советами не лезет.

Наконец, включил свет и позвал Никифоровну.

Радости её не было предела. Мне, даже, самому приятно стало. Она меня и в дом пригласила и чаем с печеньем напоила, и с собой что-то опять передала.

Самое время подлезть с просьбой.

– Анна Никифоровна. А зачем вам на базе поддоны, если у вас и погрузчика нету?

– На базе, может, и нет, а там, где машины с товаром грузят – есть.

– Понял. А их совсем не считают?

– Да, кому они нужны? Утилизируем время от времени. Пионерский костёр палим.

– Можно я сам их буду утилизировать? Ходил на рынок вчера. С фанерой я пока в пролёте, цены бешеные. Видать, французы скупают, летают на ней над Парижем. Хочу досок от палет набрать и обшить чердак.

– Да, ради Бога! Забирай.

– Мне много надо. Там и полы, и стены, и потолок обшивать придётся.

– Ох, затеял ты!.. На целый год себе занятие придумал.

– Может, и не на год, может, быстрее управлюсь. Да, и куда торопиться-то?

Никифоровна заверила меня, что все поддоны, остающиеся после разгрузки товара, мои.

Я со спокойной душой и с чувством выполненного долга пошёл домой, тепло с ней попрощавшись.

Хиленький газетный свёрток, перевязанный бинтом, тащил в руках. Не потерять бы чего.

Свернув на Огарёва, увидел Ивана во дворе его дома. Он занят был чем-то по хозяйству.

– О, здорово! – остановился я у калитки. Не терпелось узнать, какие перспективы у проекта «Кубышка Адамыча». Но расспрашивать про это не стал, учитывая утренние события. – Как у Вероники дела? Получила диплом?

– Получила, наконец. – ответил Иван, подходя ко мне и пожимая через забор мою протянутую руку.

– На работу вышла?

– Завтра уже первый рабочий день.

– Ну и хорошо. А как продвигается дело Цушко? Слышал что-нибудь?

Иван угрюмо посмотрел на меня.

– Ты же понимаешь, я не могу так прямо лезть не в своё дело. Что услышал, то и знаю...

– И?

– Начальник отдела с замом в Абхазию укатали на неделю.

– Ха! Во, дают! – вырвалось у меня. – Это ж они там сейчас с местным УВД гудят.

Иван удивлённо взглянул на меня, но ничего не сказал. Похоже, ему самому пришла впервые в голову мысль, что в Абхазию можно уехать на такой срок не только для поисков жены проворовавшегося завбазы. Люди там очень гостеприимные, коллегам всегда рады.

– Хочешь сказать, – пристально посмотрел я на него. – что делом Цушко сейчас больше никто не занимается?

– Почему же, занимаются. – неохотно ответил Иван. – Межведомственная группа создана. Брянские подклю-

лись...

— Тебе надо в эту межведомственную группу влезть. — под-
сказал я.

— Да, как я влезу? Я даже не в том отделе.

— Придумай что-нибудь. А то как мы без информации...

— Ты сам то узнал, где у Цушко садовый участок? Хотя бы
в каком товариществе?

— Нет, пока.

Иван покачал головой — типа, вот и молчи.

Мы попрощались, он вернулся к своим делам.

А я побрёл домой, крепко задумавшись. Если честно, я
даже не представлял себе, как подступиться к поиску участ-
ка Цушко. Собственности сейчас нет, списки членов товари-
ществ есть только у председателей и у правления. Да и чле-
ном может быть не сам Цушко, а, например, супруга. А я
даже не знаю, такая же ли у неё фамилия. Можно, конечно,
ходить по участкам, людей опрашивать, но кого зимой заста-
нешь в огороде? Не ждать же весны...

Только вошёл в дом, сразу получил в руки два пустых вед-
ра и потащился на колонку. Время было уже к восьми часам
вечера. Решил сходить в баню. Может, там уже поменьше
народу.

Вернулся домой к половине десятого, усталый, разомлев-
ший, выпил чаю и пошёл спать. Уснул моментально. Спал
как убитый.

Под утро мне приснился мой чердак, весь обшитый до-

щечками от поддонов. Очень красиво! Стены были двухцветные. Тёмные дощечки прибиты снизу горизонтально где-то на метр в высоту. А выше шли светлые дощечки вертикально ровными полосами, визуальнo вытягивая пространство. Потолок тоже деревянный, подбелен чем-то прозрачным, видна структура дерева. Как пол сделан не понял, потому, что его закрывал большой потёртый ковёр. На фронтоне, со стороны улицы – большое окно. У окна стол и кресло. Справа и слева книжные шкафы с открытыми полками.

Долго ещё, проснувшись, был под впечатлением. Признится же такое! Прямо, дизайн-проект.

Побежали со Славкой привычным маршрутом. Возле дома Герасимовичей увидел Светкиного брата у буханки. Надо поговорить с ней, может, замолвит за меня словечко. Мне бы познакомиться с ним поближе и договориться перевезти поддоны с базы. Я заплачу! А то на санках, по два поддона за раз мы с друзьями до второго пришествия возить их будем.

– Что задумчивый такой? – пихнул меня в бок Славка. – Случилось что?

– Да, планов настроил по ремонту чердака масштабных, на год вперёд. А буду ли я жить здесь? Через год – армия. Потом, вроде как, надо Москву покорять. Не жить же всю жизнь в Святославле.

– А чем тебе тут не нравится? – удивился Славка.

– Нравится, Слав. Я не решил ещё ничего.

На самом деле, у меня были мысли обменять наш домиш-

ко на такой же на Рублёвке. Пока там ещё деревни и колхозы. Устроить бабулю в колхоз на полставки бухгалтером. Оформить на себя сорок соток или больше, если прокатит, через двадцать лет продать и купить квартиру в Москве. План, конечно, слишком долгосрочный. Но с Рублёвки можно будет в Москву ездить на работу или учиться. Короче, уже какие-то перспективы открываются. Надо думать, всё просчитать...

На автомате позавтракав и собравшись в школу вышел, и сразу пошёл к дому Эммы. Славка уже ждал. Ромео...

В школьной раздевалке застали Тимура и Мишку. Парни накинулись на нас с расспросами, что дальше? Никто не хотел отступать. Мне пришлось осадить их немного, рассказав о вчерашней утренней беседе с Иваном.

– Нам строго-настрого сказано прекратить самостоятельность. – сказал я. Славка согласно кивал головой подтверждая мои слова.

– И что, это всё? – возмущённо спросил Тимур. – Ему всё сойдёт с рук?

– Не сойдёт. – резко сказал я, стараясь сбавить пыл брата. – Я пытаюсь сейчас через бабушку попасть на завод. Если всё получится, у меня будет доступ на территорию, как у любого сотрудника. Там и начну его искать. К счастью, наш завод не такого масштаба, чтобы искать долго пришлось.

– Ну, ты даёшь! – восхищённо сказал Мишка.

Пришли наши девчонки, поздоровались со всеми и с Эммой.

– Комарцев! Может, ты на второй год останешься? – подколола Славку Светка. – Будешь с Эммой за одной партой сидеть?

– Нам достаточно в кино вместе сидеть. – гордо ответил Славка. – Да, Эмма? Сходим вечером в кино?

Все уставились на неё, девчонка смутилась, но головой кивнула.

– Юльчик, может, тоже сходим? – предложил я. – Проследим, чтобы они вели себя хорошо.

Все засмеялись, довольная Юлька улыбалась во весь рот, я так понял, что она согласна.

– Это... – забасил вдруг осипшим голосом Тимур, обращаясь к Ветке. – Тоже пошли! Что мы?...

Он замялся, не закончив фразу.

– Ну, пошли. – рассмеялась Ветка. – Что ж мы?... – повторила она интонации Тимура, который сразу просиял, спину выпрямил.

Умная девчонка. Она его возьмёт в оборот и наставит на путь истинный.

Надеюсь.

Сегодня вечером все оказались заняты, особенно Тимур на двух отработках. Договорились собраться в субботу вечером.

Мы отправились на занятия. По пути спросил Светку Герасимович, не могла бы она меня с братом свести.

– Мне его помощь нужна, как водителя. – объяснил я ей. –

Надо перевезти стройматериалы. Ремонт я затеял.

– Да, пожалуйста. – пожала она плечами. – Приходи вечером. Дорогу знаешь.

Отлично. Если удастся договориться, надо будет кого-то из друзей попросить помочь поддоны потаскать в машину и из машины, чтобы время сэкономить на перевозке.

Уроки прошли быстро. В основном шла подготовка к экзаменам.

Тимур после школы остался исполнять трудовую повинность. А мы со Славкой и Веткой спустились в подвал к Аркадию и присоединились к стрелковому клубу.

Глава 5

28.02.1971 г. Школа.

Пострелял с огромным удовольствием. Ветка пыталась взять надо мной шефство, но видя, что я и сам справляюсь, отстала, с подозрением поглядывая на меня время от времени. Я рекордов не бил, но и по чужим мишеням не попадал, как прогнозировал Славка, когда я «впервые» взял в руки воздушку.

Улучив момент, подошёл к Аркадию. Появилась у меня идея, как сэкономить дополнительно на стройке.

– Аркадий Наумович. Тут такое дело. Ремонт хочу на чердаке сделать. Лак купил паркетный... Противогоз нужен. Нет ли у вас лишнего, какого-нибудь старого, списанного?

– Здесь нет. А дома... – подмигнул он мне.

– Можно, зайду к вам как-нибудь вечером?

– Давай.

– Спасибо!

– Не за что, пока.

Домой пришёл уже после четырёх, голодный как волк.

Мама выглядела утомлённой.

– Ой, не знаю, как мы её в ясли отдадим? – проворчала она, обращаясь к бабушке. – Нас девчонки проклянут, скажут, больного ребёнка принесли.

– А что с ней? – забеспокоился я.

– Плохо ей, зубы покоя не дают. Ноет всё время, спит плохо, капризничает.

– Ничего, скоро зубки прорежутся и всё пройдёт. Да? – подошёл я к малышке, сидящей у мамы на руках, и взял её за ручку.

– Я бы на это не рассчитывала. – отозвалась бабушка. – У тебя как зубы начинали резаться, так почему-то сразу отит... Вот, я дура старая! Поля! Может, у неё уши, а не зубы?

Мама смотрела на неё, как будто только что проснулась.

– Если наследственность есть, то может быть. Уши – это больно. Чтобы еще и не оглохла. – предположил я.

– Типун тебе на язык! Что ты болтаешь?! – возмутилась бабушка и пошла к себе в спальню. Вернувшись, дала мне деньги и листок бумаги. – Сбегай в дежурную аптеку, вот список.

Я и так был уже одет, не успел переодеться после школы. Помчался в дежурную аптеку, благо она была у нас на Площади. Купил всё, что было в списке, плюс морской соли целый пакет килограммовый, меньше не было, и самую маленькую спринцовку, какую нашла у себя аптекарша.

Принёс домой и выложил всё на стол на кухне.

– Надо полоскать ей носик, по несколько раз в день. – ответил я на немой вопрос бабушки, с удивлением взявшей в руки килограмм морской соли.

– С чего ты взял, что это поможет? – спросила она с со-

мнением в голосе. – К тому же, почему ты решил, что она будет горло полоскать?

– Не будет, естественно, – ответил я и придвинул к ней спринцовку. – Соль растворим. Придётся в носик ей рассол закачивать. Очень полезно для выздоровления будет.

– Ты смеёшься? Как ты себе это представляешь? – спросила подошедшая мама.

– Со скандалом, с криками и слезами, – подтвердил я её сомнения. – Но это надо делать. Морская соль хорошо обеззараживает.

Мама возмущённо поджала губы, прижала к себе малышку, как будто я уже собрался экзекуцию начинать, и ушла к себе с гордо поднятой головой. Бабушка пошла за ней, прихватив лекарства. Я так и не понял, они согласны со мной или нет?

Ладно, не буду давить. Сами поймут, что промывать несколько раз в день нос не так уж и страшно. А эффект точно будет.

Лекарства пить Аришка не желала и ожесточённо сопротивлялась. Когда, наконец, бабушка вернулась на кухню, вид у неё был измотанный.

– Забыла совсем. – сказала она. – Завтра после школы не задерживайся нигде. Пообедаешь и сразу пойдём на завод. Я с главбухом поговорила, она, в принципе, не против, если ты меня будешь замещать. Не видит проблем, если ты нормально справляться будешь. Даже официально временно взять

тебя не против, если нам ясли надолго задержат и мне придётся за свой счёт написать.

– Я справлюсь, ба. Насчёт этого, даже, не переживай. – заверил её я, с трудом скрывая ликование. Маньяк, я иду за тобой!

– Неси французский! – сказала бабуля, заметив, всё-таки, моё восторженное состояние и ошибочно решив, видимо, что мне уж очень сильно не хочется с ребёнком сидеть. Обломать решила, похоже. Но я не был против – готовиться к экзамену все равно надо.

Ночь прошла, на удивление, спокойно. То ли Аришка утонула от битвы с мамой и бабушкой. То ли лекарства облегчили бедному ребёнку состояние.

Утром проснулся сам, начал втягиваться в режим. Бабуля уже хлопотала на кухне. Мама с Аришкой ещё спали. Вышел из гостиной в кухню стараясь вести себя потише, пусть спят пока спится.

На пробежке рассказал Славке, что пойду сегодня первый раз на завод, попробую там осмотреться и вычислить негодя. Славка посмотрел на меня с завистью. Как ему хотелось составить мне компанию!

После водных процедур сел завтракать. На завтрак у нас была геркулесовая каша на воде с вареньем. Мюсли, твою мать.

Решил, что сейчас подходящее время вернуться к разговору о денежном довольствии сестры.

– Как у Инки дела? Давно писала? – начал я издалека, уплетая кашу, которая оказалась вполне съедобной.

– В среду прошлую письмо пришло, – ответила бабушка. – Пишет, что их выпуск уже попадает под два года ординатуры. Мы надеялись, что на двухлетнюю ординатуру пойдут те, кто после шестьдесят девятого поступил. А, видишь, все идут.

– Ординатор на каких условиях работает? За зарплату?

– Размечтался. За стипендию.

– Ещё два года, значит, без зарплаты... А какая стипендия?

– Пока, никакая, она в первом семестре терапию еле сдала на тройку. Аришка болела без конца.

– Бабуль, мы малышку у неё забрали, руки ей развязали. Может, она сама уже как-то дальше справляться будет?

Бабушка осуждающе глянула на меня, но промолчала.

– Бабуль, она же не одна там, она с мужем. Два взрослых человека не отягощённые детьми... Неужели сами не справятся, без нашей помощи? В конце концов, Инна может пойти подрабатывать в той же больнице санитаркой.

– Ты не понимаешь? Врач – это ВРАЧ! – бабушка подняла вверх указательный палец.

Я, правда, не понимал.

– Врач – это другая каста, опытные медсестры с уважением смотрят, даже, на самых молодых и неопытных врачей. – ответила она, заметив мой недоумённый взгляд. – Медсёстры! А ты её в санитарки.

– Типа, не царское это дело? – дошло наконец до меня.

Бабушка с раздражением швырнула на стол полотенце, которым вытирала посуду.

Ладно, ладно! Не царское, так не царское. Ясно, что проблема сложная – но сдаваться не буду. Будем решать ее другими методами.

Поблагодарил бабулю за завтрак, чмокнул в щёку и поспешил в школу. Меня там уже, наверное, Комарцевы заждались.

Так и есть. Стоят, щебечут. О, меня соизволили заметить.

– Ну, ты чего так долго? – коршуном скакнул мне навстречу Славка. – Опоздаем!

– Пытался пролоббировать решение о лишении финансирования за счёт местного бюджета отдельных жен военнослужащих. – выдал я.

– Чего-чего?... – сразу сдуся Славка.

То-то же!

– С сестрой мне пора перетереть. – ответил я серьёзно. – А лучше с её мужем.

– Случилось что? – участливо спросил Славка.

– Денег нам не хватает. – усмехнулся я. – Мои со своих зарплат и пенсии Инке по семьдесят рублей в месяц высылают, «учат девочку».

– Ну, так-то много кто делает. – осторожно высказался Славка. – Не по семьдесят, конечно.

– Конечно... За двадцать-тридцать рублей и я бы волну

гнать не стал. А семьдесят явно перебор при нормально зарабатывающем муже.

– Что будешь делать? – с любопытством спросил друг.

– Пока не знаю. Думаю.

В школьной раздевалке кипели страсти. Олег с Мишкой забились на Ветку. Олег считал, что Ветка не пойдёт с Тимуром в кино, а Мишка говорил, что пойдёт. Спорили до хрипоты, и dospорились. Когда мы вошли, они на полном серьёзе бились об заклад на желание.

Ну-ну. Может, мне тотализатор тут организовать?

Уроки шли своим чередом.

После школы поспешил домой, как просила бабушка. Она уже ждала меня одетая, ей только пальто осталось надеть и шапку. В доме было подозрительно тихо.

– Как дела? – поинтересовался я, вымыл наскоро руки и сел за стол.

– Спят обе. – ответила бабушка, наливая мне миску супа.

Пока я обедал, бабуля окончательно собралась, и ждала меня в сенях.

Я не заставил себя долго ждать и вскоре мы шли с ней по Школьной на механический завод.

Когда мы гнались за маньяком, я не особо оглядывался вокруг. Сейчас же в спокойной обстановке я с интересом осматривался. Мы вышли к небольшой площади перед солидной двухэтажной проходной завода с большими электронными часами на фасаде.

Вся территория была огорожена высоким забором из бетонных секций выкрашенных в бежевый цвет. По верху забора спиралями вилась колючка.

«Святославский ордена Ленина механический завод» – прочитал я, задрав голову, большие буквы во всю длину здания. А над дверями красовалось: «Спасибо за ударный труд!»

– Интересно, чем же этот завод такой заслуженный, что ему орден Ленина дали? – произнёс я мысли вслух.

– За работу коллектива во время войны. – ответила бабушка. – В эвакуацию в чистое поле уехали. Через четыре месяца первую продукцию дали. Всё для фронта, всё для Победы. У нас музей заводской есть. Если хочешь, сходим как-нибудь.

– Я бы с удовольствием, бабуль. Только где время взять?

– Ну, вот экзамены сдашь, и проведу для тебя экскурсию. – пообещала бабушка.

Мы вошли на проходную. Крутящиеся турникеты, бюро пропусков. Важные охранники в чёрной форме.

У бабушки был пропуск на завод, что и понятно: она же сотрудник. А меня не пустили. Бабушка предусмотрительно взяла мой паспорт и пошла в бюро пропусков оформлять на меня разовый пропуск, который утром заранее на меня заказали, подав служебную записку.

Когда пропуск был готов, бабушка направилась к турникетам, позвав кивком головы меня за собой. Я немного за-

мешкался, разглядывая большой щит в пол стены. Там ровными рядами были вбиты гвоздики, а на гвоздиках висели деревянные номерки, как в гардеробе. Номер с номерка дублировался мелкими цифрами над гвоздиком. Бабушка, проходя мимо щита, буднично сняла один из номерков, перевернула его и повесила обратно цифрами к стене.

Я поспешил к турникетам за ней. И в этот момент с улицы, со стороны территории завода в проходную вошёл Вася-негр. Вот так встреча! Значит, он здесь теперь.

Он был в форме охранника завода. Опять внедрили? Я, на всякий случай, прошёл мимо, не показывая, что мы знакомы.

Когда мы с бабушкой уже выходили из проходной на территорию завода, я услышал смех мужиков.

– Как на тебя все реагируют, Вась! – услышал я чей-то голос. – Как будто привидение видят.

Наверное, мне не удалось скрыть удивление. Новые Васины коллеги решили, что я удивился, негра увидев. Ну и пусть. Поддержу его легенду, он себя обязанным мне будет чувствовать.

Бабушка повела меня по территории завода, оказавшейся на удивление большой. Между проходной и зданием напротив неё был разбит небольшой скверик из голубых елей, в центре которого с высокого постамента целеустремлённо делал шаг в светлое будущее бронзовый Ильич.

Справа от сквера доска почёта с фотографиями передо-

виков производства.

На самом высоком корпусе завода красовалась огромная надпись: «Слава труду».

– Там у нас правление. – оживлённо показывала бабушка. – Там цеха, медпункт. Там склады. Гараж. Клуб и библиотека. В клубе, кстати спортивные секции есть. Это столовая. Там бомбоубежище.

Бабуля увлечённо знакомила меня с заводом. А я оглядывался по сторонам, прикидывая, где и как искать маньяка.

– Это котельная. – показала бабушка на здание из красного кирпича.

Здесь все здания были из красного кирпича. А то, что это котельная, я и сам догадался по высоченной трубе из такого же красного кирпича.

– Там дом быта. – продолжала экскурсию бабушка.

– Что за дом быта?

– Парикмахерская, ателье, ремонт обуви...

– Это же всё и в городе есть.

– Важно, чтобы человек труда без отрыва от производства мог удовлетворить свои насущные нужды. – пафосно выдала бабуля.

Гляди-ты, я и забыл, что такое ориентация на нужды работника при развитии социализме. А ведь, если тут работаешь, и в самом деле такая забота будет приятна.

Мы подошли к правлению – двухэтажному зданию с двумя входами справа и слева здания. Прошли по первому эта-

жу в самый конец по длинному коридору. На дверях кабинетов стояли только номера.

Бабушка зашла в один из кабинетов в конце коридора с номером двадцать пять. А мне велела подождать в коридоре. Через открытую настежь дверь внутри кабинета была видна ещё одна дверь с надписью «Главный бухгалтер». Кабинет в кабинете. Туда-то бабушка и вошла.

Я слонялся вдоль коридора то и дело заглядывая через открытую дверь в кабинет. Аккуратные столы. Это так непривычно для бухгалтерии. В моё время среднестатистический бухгалтерский стол был завален горами бумаг. А здесь на столах бумаг было мало, и они были аккуратно сложены в стопочку. Зато было огромное количество комнатных цветов.

Меня поразило это обилие разнообразной зелени в больших и маленьких горшках. Цветы были везде: на подоконниках, на подставках перед окном, на шкафах. Даже в торцах длинного коридора перед окнами в больших кадках росли какие-то огромные кусты. И на подоконниках в коридоре цветы.

Надо признать тут очень уютная атмосфера, прямо, домашняя.

Перед кабинетом главбуха я разглядел четыре рабочих места, а присутствовала на работе только одна сотрудница.

Вскоре из кабинета главбуха выглянула бабушка и рукой позвала меня. Я прошёл в святая святых этой бухгалтерии –

малюсенький кабинетик. Зато отдельный.

Хозяйка кабинета среднего роста, обычная женщина лет под пятьдесят с пучком седых волос на голове.

Но какой у неё был строгий взгляд. Мне сразу захотелось вытянуться по стойке смирно, когда она пристально взглянула на меня.

– Вот, Ирина Викторовна, Павел, прошу любить и жаловать. – улыбаясь представила меня бабушка.

– Пашка... Как повзрослел! – улыбнулась главбух и сказала вставая. – А помнишь, как каникулы в младших классах тут коротал? По коридору носился...

Я неопределённо пожал плечами. Не объяснять же ей, что я не помню ни каникулы, ни её саму.

– Иди, посиди пока, я сейчас. – сказала мне бабушка.

Я вышел и прикрыл за собой дверь. Куда я должен был сесть, я не понял, и остался стоять перед единственной сотрудницей с интересом разглядывающей меня.

– Что, Пашка, не здороваешься? – спросила она меня с вызовом.

Я кивнул ей головой, типа, здрасте.

Не люблю я таких. В каждом офисе есть хотя бы одна такая: давно работает и считает, что у неё здесь особое положение. Может говорить всем, всё что вздумается, не считаясь с нормами такта и вежливости. Спросить может всё, что в голову взбредёт.

Я вышел в коридор. Аллергия у меня на таких дамочек.

Эта была ещё и фигурой крупная, давила авторитетом. Мадам Грицацуева, блин.

Вскоре вышла бабушка. Довольная. Договорилась, похоже, насчёт меня. Она жестом позвала меня вернуться в кабинет.

– Ну, Паша. Вот твоё рабочее место, – показала бабушка на один из трёх свободных столов рядом с мадам Грицацуевой, с живейшим любопытством наблюдавшей за нами. – Вернее, это моё рабочее место, но временно твоё.

Мадам Грицацуева встала из-за стола и вышла на середину кабинета, противно ухмыляясь и бесцеремонно разглядывая меня. Она оказалась выше, чем я думал. Из-за полноты я смог лишь приблизительно определить её возраст: сорок лет плюс-минус пятнадцать.

– Изольда Марковна тебе поможет, если что, – сказала бабушка. – Это Паша, мой внук. Будет меня временно замещать.

Вышла главбух.

– Изольда, с завтрашнего дня парнишка будет ведомости вести. А ты будешь заявки на талоны визировать, – распорядилась она спокойно, но тоном, не терпящим возражений. – Присматривай за ним. Ты теперь – его наставник.

– О, мне что, за ученика доплатят? – оживилась Изольда.

– Премию дадут, – ответила, усмехнувшись, главбух, возвращаясь в свой кабинет.

– Премию и так дадут, – пробурчала Изольда и уселась

недовольно на своё место.

Хотелось уже поскорее приступить к изучению своих обязанностей.

Если честно, я немного нервничал. Хотя... Что тут может быть сложного? Считай себе и всё. Как сейчас считают, кстати? Где калькулятор?

Калькулятор!

У меня резко во рту пересохло.

А на чём же они сейчас считают? Надеюсь, не на счётах?

Я огляделся по сторонам. Счёты, реально, на каждом столе. Арифмометр с ручкой на шкафу пылится.

А калькуляторов нет!

Мама, блин! Роди меня обратно! Вот это я попал!

По моему растерянному виду бабушка решила, что спешить не стоит.

– Садись за стол, – спокойно велела она мне. – Справа ведомости, слева путевые листы.

«Ведомости по учёту жидкого топлива» велись здесь в обычных амбарных книгах формата А4 в линейку в мягком картонном переплёте. Верхние две линейки на каждом листе были срезаны, а на обложках с внутренней стороны подписаны названия граф. Учётный период и подразделение были указаны на обложке сверху и на торце каждой книги. Очень удобно, только линовать графы карандашом надо было вручную на каждой странице.

Я полистал верхнюю ведомость. Ну, всё просто. В таблице

на целый разворот указывалась дата, номер путевого листа, ФИО водителя.

На три вида топлива ДТ, А-72 и А-76 по три колонки: приход, расход, остаток.

Расход топлива по путевому листу указывался в соответствующей группе колонок. В любой момент можно увидеть остаток каждого вида топлива по каждому подразделению.

– У вас же один гараж. Как вы разбираетесь, какое подразделение машина обслуживала? – сразу спросил я бабулю.

– В путёвках указано, в чьё распоряжение поступает машина.

Ну, всё, понятно. Цифры небольшие и в столбик посчитать можно.

Заявки на талоны, видимо, подписываются, если остаток топлива не превышает каких-то заданных лимитов. Но мне этим голову забивать не обязательно, заявки подписывает Изольда.

Я переключился на левую сторону. В стопку на углу стола были сложены картонные папки «Дело» на завязках. Если учётный период в ведомостях был год, то на каждой папке был указан месяц и год.

Тоже логично. Одна папка – путёвки одного подразделения за месяц. Тоже всё просто.

Рядом, в невысокой, сантиметров двадцать, деревянной коробке лежали навалом не разобранные путевые листы непривычной для меня формы, но вполне себе понятные.

Я развязал верхнюю папку и полистал путёвки в ней. Меня сразу смутило, что в разных путевых листах название подразделения были вписаны по-разному. Например, «скл. прод.» и «скл. гот.».

– Почему так? – спросил я, указывая бабушке на этот факт.

– Диспетчера разные, – пожала плечами бабушка. – Ничего, разберёшься. Изольда поможет.

Короче, у них тут нет унифицированного подхода. Это надо будет запомнить, как каждый из диспетчеров по-своему называет службы завода. Ну, ничего, табличку заведу, шпаргалку.

– А нормы расхода где взять? – уточнил я.

Бабуля постучала пальцем по столу. Под стеклом лежала шпаргалка с этими самыми нормами по видам транспорта.

В одном направлении мыслим с ней, усмехнулся я.

– Ну что, – шлёпнул я руками по столу. – Мне всё понятно. Давай, я начну? Под твоим чутким руководством.

Глава 6

1.03.1971 г. Завод.

Я взял из деревянного ящика верхнюю путёвку, посчитал пробег. Коэффициент увеличения нормы, действительно, был уже проставлен. Я вычислил расход топлива. Бабушка кивнула головой: правильно. Получилось медленно потому, что считал, реально, в столбик на клочке бумаги.

– Откуда ты знаешь, что надо делать? – спросила меня бабушка.

– Тут же всё написано, – оправдываясь, показал я бабушке путёвку. – Вот показания счетчика при выезде, вот при возвращении. Пробег – это разница. Это же и ёжику понятно. Нормы у тебя, – постучал я пальцем по стеклу на столе, – на сто километров, значит, пробег делим на сто и умножаем на норму и на коэффициент увеличения. Это же элементарно.

– А про коэффициент откуда знаешь? – спросила бабуля с подозрением глядя на меня.

– Слышал где-то, – соврал я, и чтобы переключить её внимание, разложил перед собой дела с названиями служб и прикинул, на что похоже указанное в моей путёвке «БРИЗ».

Ни на что не похоже.

Я вопросительно оглянулся на бабушку. Она постучала пальцем по Делу «Служба главного инженера».

Это запоминать – умом тронешься. Я взял карандаш и написал на Деле с главным инженером «Бриз».

Так я разложил под бабушкиным контролем все путёвки стопками. На каждом Деле написал встретившиеся возможные сокращения наименований входящих в него подразделений и служб.

Вот, собственно и всё. Я освоился. Ещё запастись черновиками для вычислений в столбик и красота!

Под черновики здесь использовали односторонние документы с истекшим сроком хранения. И пачками этого добра, перевязанными шпагатом, здесь был завален целый ничейный стол в углу.

Ну всё. Живём.

Под присмотром бабушки я переложил по датам путёвки из первой стопки, обсчитал их и взялся за соответствующую ведомость.

Заполнить ведомость было ещё проще. Я взялся за следующую стопку, потом следующую, пока, их совсем не осталось.

На всё у меня ушло часа полтора. А был бы калькулятор!..

Когда я поднял голову, ехидная Изольда, всё это время наблюдавшая за мной со стороны, стала медленно, громко и демонстративно хлопать в ладоши.

Вышла из своего кабинета главбух.

– Что тут происходит? – строго, но не скрывая любопытства спросила она.

– Пашка все путёвки за сегодня посчитал и разнёс, – ответила Изольда.

– Правда? – удивилась главбух. – Так быстро? Что значит наследственность.

Главбух многозначительно посмотрела на бабушку.

– Ну что, юноша. Выходи завтра на работу. Изольда, оформи ему временный пропуск на месяц, – и уже обращаясь ко мне. – Завтра придёшь с паспортом и фотографией, в бюро пропусков скажешь, что на тебя временный пропуск заказан.

Целый месяц! Ну держись, маньячелло! Обязательно найду.

На том мы и распрощались. Настроение было хорошее. Если это весь объём работы за день, то ещё часа два ежедневно будет оставаться для подготовки к экзаменам.

На проходной я забылся, погружённый в свои мысли, и на автомате протянул Васе руку на прощанье.

Он улыбнулся и пожал мне руку. Только тут я спохватился и сделал круглые глаза, отвернувшись от его коллег. Мол, прости, не конспиратор я ни разу! Вася едва заметно подмигнул мне. На том мы и распрощались.

Интересно, под кого здесь ОБХСС копает? Задумавшись, я наблюдал, как бабушка привычным жестом перевернула номерок на доске цифрами наружу.

По количеству отвёрнутых к стене номерков всегда можно определить, сколько человек в данный момент находится

на территории завода, и кто именно. У нас на предприятии номерки соответствовали табельному номеру.

– Думаешь, кто-нибудь заметил, что ты приходила? – спросил я с сомнением.

– Да я на автомате, – оправдываясь ответила бабушка. – Привычка. Сколько лет сюда каждый день ходила...

Мы пошли домой по Школьной. Уже без спешки, пройдясь по магазинам.

Я послушно таскался за бабулей увешанный авоськами и думал о своём. Всё не так уж плохо. Бабушку на работе я спокойно прикрою, к экзаменам заодно подготовлюсь в свободное время. И маньяка поищу.

Мы пришли домой. Там всё было по-прежнему: малая скандалила, мама как могла отбивалась.

Бабушка занялась ужином. Я побежал на колонку. Бабуля сказала, что до ужина ещё минут тридцать-сорок.

Чтобы не терять время, решил предложить Славке сходить в гастроном за баночками на подарки. С Мишкой Славка уже успел договориться – и тот со своей мамой наш визит уже согласовал. Так что, когда мы втроем пришли за банками, они уже были составлены отдельно, на шкафу в подсобке. Мишкина мать завела нас туда, и показала пальцем:

– Вот ребята, берите.

– А сколько нам и как заплатить? – спросил я.

– Берите бесплатно! – махнула рукой она, – я же понимаю, что вы что-то к восьмому марта затеяли. А я их на бой спи-

шу.

Ну да, побудешь тут конспиратором, когда пацаны массово что-то делают в подарок матерям и сёстрам своими руками. Да и вообще, тут действует принцип, что лучший подарок должен быть сделан своими руками. Помню, своей маме я соорудил на восьмое марта шкатулку на уроках труда, выдолбив при помощи долота ниши в двух половинках распиленного пополам толстого обрубка дерева. Дальше осталось только посадить на петли, и подарок был готов. Допотопно, страшненько, но мне тогда и было всего лет двенадцать.

Поблагодарив добрую женщину, мы отправились с добычей в авоське домой к деду Аристу. Раз уж он разрешил нам использовать его мастерскую, там и сложим все комплектующие. Но делать пока подарки еще не будем – я решил сначала как можно больше поддонов натаскать домой. Вот чему меня научил жизненный опыт, так это тому, что халява имеет свойство внезапно заканчиваться. Так что, если мне разрешили брать поддоны на стройматериалы неограниченно, значит, нужно воспользоваться этим разрешением по максимуму, пока оно действует. Всегда что-то может случиться – поддоны, валяющиеся возле базы, подожгут соседские пацаны из озорства, Никифоровна заболеет или куда-то уедет, а ее новый заместитель, которого она может нанять в любой момент, откажет мне в разрешении их забрать, да мало ли что еще!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.